

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

Павел Амнуэль
Дежа вю (сборник)

«Млечный путь»

Амнуэль П. Р.

Дежа вю (сборник) / П. Р. Амнуэль — «Млечный путь»,

Фантастический детектив – особый поджанр фантастики, объединяющий детективный сюжет с научно-фантастической проблематикой. Достоинства и особенности обоих поджанров позволяют получить интереснейший литературный сплав, в чем читатель убедится, прочитав произведения, включенные в антологию. «Дежа вю» Павла Амнуэля – произведение многоуровневое. Где происходит убийство? Происходит ли оно вообще? Кто преступник, кто жертва, и не является ли убийца жертвой жестокого преступления? Ответить на эти вопросы пытается частный детектив, но и читателю предоставлена возможность предложить свои версии странных событий. «Рукопись, найденная на столе» Леонида Шифмана и Ольги Бэйс переносит читателя в вымышленную страну Сент-Ривер. Раскрыть преступление героям повести удастся лишь тогда, когда они используют одну из самых парадоксальных и перспективных гипотез современной квантовой физики. А для того, чтобы найти убийцу девушки молодым детективам из рассказа «Убийство в салоне красоты» Елены Клещенко приходится применить фантастические методы генетического анализа.

© Амнуэль П. Р.

© Млечный путь

Содержание

Павел Амнуэль	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дежа вю (сборник)

Павел Амнуэль

Дежа вю

Площадь была маленькая, а церковь выглядела заброшенной. Сложенное из красных кирпичей, не везде плотно подогнанных друг к другу, здание, если смотреть на него издали, напоминало севший на мель старый корабль, мачты которого переломились у основания.

Антон обошел церковь и присел на скамью под деревом, которое могло быть липой, а могло – осиной. Антону хотелось, чтобы дерево оказалось плакучей ивой, тогда он дотянулся бы до ее ветвей и сказал про себя: «Все хорошо». Гуляя по Амстердаму третий день, Антон не нашел ни одной ивы, хотя выбрал этот город по той, для него самого не очень ясной, причине, что на берегах знаменитых каналов растут большие плакучие ивы, которых не найти ни в одной другой европейской столице. Никто ему об этом не говорил, и ни в одном из путеводителей ни слова не было об амстердамских ивах, но Антон помнил, что как-то сидел под плакучей ивой именно в Амстердаме. Больше ничего он вспомнить не мог, но картинка, возникавшая в голове, когда он в конце семестра принялся изучать туристические проспекты, была такой яркой, что у него и тени сомнения не возникло – придя в турагентство, он точно знал, куда хочет ехать.

В Амстердаме ив не оказалось. У дерева, под которым стояла скамья, была редкая крона, будто парик с выпадавшими волосами, и солнечные лучи, почти не застревая в ветвях, падали на плечи и голову. Вход в церквушку был закрыт, дверь выглядела такой же старой, как вся кладка, местами покрывшаяся плесенью. Впечатление было таким, будто лет двести назад последний прихожанин, а может, сам приходский священник, уходя, закрыл дверь навсегда, и за многие годы она выросла в кирпичи, превратив бывший храм в запечатанный склеп.

Посидев несколько минут и дав ногам отдохнуть от долгого хождения по улицам, Антон поднялся, чтобы продолжить прогулку, и, похоже, это его движение что-то переключило в сложном устройстве мироздания – над площадью, над небом вознеслась печальная, с взволнованными придыханиями, мелодия, которую небрежно, то ускоряя темп, то вдруг останавливаясь, будто забывая ноты, наигрывал невидимый органист.

Неожиданно раскрылась дверь – сама собой, будто от ветра, которого сегодня не было в помине, – и из глубины церкви звук органа пролился на брусчатку площади, как густой сироп из опрокинувшейся бутылки. Играли Баха – седьмую инвенцию. Антон не был ни знатоком, ни даже активным любителем классики, органа в особенности, но эту вещь знал наизусть, она звучала в его любимом фильме, который с некоторых пор ему и пересматривать было не нужно – он знал каждый кадр «Соляриса», каждую режиссерскую задумку, каждый жест и взгляд актеров.

Органист играл плохо, а может, всего лишь репетировал, но знакомая мелодия все равно притягивала, будто порыв ветра, распахнувший дверь, толкнул Антона в спину по направлению к церкви, куда он, вообще-то, и без приглашения собирался войти, раз уж представилась возможность.

Антон медленно пересек площадь и вошел в гулкую темноту храма, внутри оказавшегося огромным. Купол витал где-то над застывшим в удивлении небом, узкие окна с калейдоскопическим нагромождением витражей почти не пропускали свет, на алтаре под большим позолоченным крестом с распятым Иисусом горел ряд высоких тонких свечей, и кто-то там, кажется, молился – Антону показалось, что он видит согбенную спину в белом облачении священника. А может, это висело на решетке чье-то белое, похожее на полотенце, одеяние – издали не разобрать.

Орган перестал звучать на середине музыкальной фразы, и тишина проявила звуки, существовавшие здесь и раньше, – медленные шаги на хорах, кряхтение, тяжелое дыхание. Органист, видимо, спускался, Антон не хотел ни с кем встречаться; может, сюда вообще нельзя было входить, и он нарушил правила? Повернувшись, чтобы уйти, Антон бросил взгляд на стоявшую в углублении статую девы Марии, почти невидимую, но все равно четко очерченную полутенями от колонн. Дева Мария держала на руках младенца и смотрела на Антона, будто хотела сказать: «Помнишь?»

Он вспомнил. Он здесь был. Однажды. Не так давно. Просто выпало из памяти. С ним это часто случалось – в последнее время, впрочем, чуть реже обычного. Дежа вю. Вдруг вспоминаешь, что с тобой это уже происходило. Антон знал, что, обернувшись, увидит в центре зала на полу сложную мозаику – круг с множеством лучей, похожих на пики, перевязанные тонкими лентами. И в центре круга...

Антон медленно обернулся, ему показалось, что дева Мария посмотрела на него укоризненно, а младенец вздрогнул и приник к материнской груди.

В центре зала было чуть светлее, и мозаичный круг со стрелами-пиками виден был совершенно отчетливо, а еще...

Он вспомнил. В тот день здесь было гораздо светлее, горели две яркие лампы на треножниках, в центре круга стоял мольберт, и художник – импозантный мужчина в длинном зеленом пиджаке, больше похожем на плащ, – широкими мазками рисовал, откидывая голову, наклоняясь то влево, то вправо, чтобы оценить сделанное. Антон видел лицо художника и не мог видеть картину, не знал, близка ли она к завершению, и что пытался изобразить на холсте живописец.

И еще он вспомнил, как из темноты возникла тень, сформировавшаяся затем в человека, мужчину, ступавшего медленно и тихо. Антону показалось знакомым лицо, но разве можно узнать кого-нибудь при таком неверном освещении? Художник застыл на мгновение с поднятой рукой, а потом уронил кисть, покачнулся, обхватил обеими руками невидимую колонну и завалился навзничь. Мужчина почти скрылся во тьме, но что-то привлекло его внимание, и внимание Антона тоже обратилось к первой колонне у входа.

Там стояла девушка, выглядевшая тенью на тени. У девушки были длинные светлые волосы, и это все, что смог увидеть Антон. Разглядеть лицо с того места, где он стоял, было невозможно, но почему-то Антон был уверен, что девушка очень красива. Это было страстное убеждение, мгновенная вспышка безотчетного желания. И еще: девушка боялась. Она подняла руки, прикрылась ими, будто крыльями, и в следующую секунду исчезла – скорее всего, отступила за колонну, во мрак.

Антон хотел пойти за девушкой, но мертвое тело художника притягивало, он подошел ближе, и что-то показалось ему знакомым, что-то уже виденное где-то...

Где?

Антон не помнил. С памятью у него всегда были проблемы. Вдруг вспоминался эпизод, о котором он не мог сказать точно, происходило ли это в его жизни на самом деле. Возникало странное знание о чем-то, чего он знать не мог. Как сейчас.

Он никогда прежде не был в этой церкви. Он никогда прежде не был в этом городе. Он никогда прежде не был в Голландии, разве что пролетал несколько раз по пути в Лондон и обратно, вглядываясь в проплывавшие внизу прямоугольники домов, причудливые дуги амстердамских каналов, зеленые кляксы городских парков.

На негнущихся ногах Антон сделал несколько неуверенных шагов и оказался в центре мозаичного круга со стрелами-пиками. Здесь стоял мольберт, а вполоборота к проходу между скамьями художник рассматривал собственное творение. И сзади...

Антон обернулся в испуге – конечно, там никого не было, и у алтаря не было никого, и у первой колонны от входа. С хоров доносились все те же слабые шаркающие звуки – невидимый органист устраивался удобнее или, может быть, протирал тряпочкой клавиши...

Медленные звуки органа спустились с хоров и растворились в воздухе. Воздух стал музыкой, Антон протянул ладонь, и в нее легло ощущение спокойного доброжелательства, смыв ощущение страха, неуверенности, беды. Художник, убийца, девушка, мольберт... Это было, но этого не было, и быть не могло. Еще одна причуда его сумасшедшей памяти. Только и всего.

Антон направился к выходу, глядя прямо перед собой, но боковым зрением ожидая увидеть тень на тени и побежать... от чего?

От себя не убежишь, – произнес Антон банальную фразу, выйдя в ослепляющую после храмовой темноты цветную реальность амстердамского утра. Скамейку, на которой он сидел несколько минут назад, успели занять – юная мама склонилась над коляской и шептала нежности ребенку, девочке со светлыми курчавыми волосами.

Антон шел не оглядываясь, – он не хотел знать, открыта ли еще дверь в церковную темноту, кто там стоит на пороге и смотрит ему вслед. Никто не стоял, скорее всего, но он чувствовал упершийся в спину взгляд и не мог избавиться от этого ощущения, пока не миновал несколько кварталов и не вышел на шумную улицу Дамрак, где как раз подкатил к остановке двадцатый номер трамвая и тренькнул звонком, напомнив московскую десятку его детства, на которой он каждый день ездил по утрам в школу и обратно.

У поворота на Спуи он вышел. Направо – к гостинице, где он снял маленький номер с видом на Амстель. Вперед – к серому и невзрачному, на первый взгляд, дому, где еще вчера он увидел рядом с красной, будто выкрашенной бычьей кровью, дверью среди прочих табличек серебряный квадрат с именем человека, о котором ему рассказывали еще дома, в Израиле.

Он не выбирал направления – ноги решили за него. Не в первый раз.

* * *

Приемная частного детектива больше была похожа на студию художника, во всяком случае – в представлении Антона. Огромное, в два человеческих роста, окно, в котором можно было бы увидеть весь центр города, если бы прекрасный вид не загораживал дом напротив. На покато́м склоне черепичной крыши вольготно, будто на картине старинного голландского мастера, расположились два огромных кота, подозрительно глядевших друг на друга, но пока не предпринимавших попыток выяснить отношения. Поодаль грелась на солнце, вытянув лапы, изящная черная кошечка, местный вариант пантеры. Кошечка вяло помахивала хвостом, ожидая начала представления.

– Забавляет? – сказал Манн, возвратив Антона из мира кошачьих грез в будничную атмосферу, куда клиент собирался внести немного криминального разнообразия. – Садитесь. Эдит сказала, что ваше имя Антон Симак. Из России?

Разговор велся по-английски. Антон попытался построить в уме простенькую фразу на голландском, понял, что объясниться толком не сумеет, и ответил на английском, который знал с детства:

– Из Израиля. Когда я уезжал... я здесь в отпуске, турист... мне порекомендовали, если что, обратиться в агентство Манна.

– Неужели обо мне рассказывают в Израиле? – поразился Манн.

– Линда Штраус, слышали о такой? – вопросом на вопрос ответил Антон.

– О, – улыбнулся Манн. Хорошая у него была улыбка, открытая, добрая, Антон подумал, что все теперь будет в порядке: человек, умеющий так улыбаться, по крайней мере, не способен отвергать без рассмотрения самые странные рассказы клиентов – собственно, так о Манне и сказала Линда, репортер «Маарива», приехавшая полгода назад в Ариэль, чтобы

взять интервью у кого-нибудь из сотрудников недавно открывшейся лаборатории космической физики. Они тогда проговорили весь день, это и не интервью было, а дружеская беседа, и об амстердамском частном сыщике Линда вспомнила, когда зашла речь о неразрешенных загадках дальнего космоса – о темной энергии, например, и о струях межгалактического вещества, протянувшихся на такие огромные расстояния, что никакой закон тяготения, даже модифицированный современными ниспровергателями Эйнштейна, не мог объяснить их движения. «Удивительно, – сказала тогда Линда, – человек будто притягивает к себе загадки, которые, как другим кажется, не имеют решения, разве что мистические, но Манн извлекает из них реальную суть, совсем, как вы из ваших темных сил и потоков»...

– Линда Штраус, – Манн повторил имя с видимым удовольствием. – Нас познакомила Кристина, иначе я бы не согласился на интервью, не любитель, знаете...

– Кристина...

– Моя жена, – пояснил Манн. – Садитесь в кресло, и на вас не будут падать прямые лучи солнца, я вижу, вы щуритесь. А я люблю сидеть, чтобы солнце светило в глаза.

– Тогда вам...

– Ничего не видно, да! Но зато я гораздо лучше слышу. Когда – и если – будет нужно, я вас рассмотрю очень внимательно, поверьте. А пока... Вам удобно? Будете пить кофе? Эспрессо? Черный? С сахаром?

– Черный, если можно, – пробормотал Антон. – С сахаром, да, одну ложечку. И без молока, а то в местных кофейнях...

– Только без молока! – твердо сказал Манн. – Молоко отбивает вкус. Рассказывайте.

– Послушайте, – неуверенно сказал Антон. Он всегда говорил неуверенно, когда задавал свой стандартный вопрос, пытаясь для начала понять, что можно произнести вслух, а что надо оставить в себе, хотя это и трудно, потому что память была, как включенный мотор, – если не дашь возможности разогнаться, то перегреется, и начнет болеть голова, придется доставать пакетик с таблетками... – Послушайте, мне кажется... Мы с вами не встречались раньше? Я не бывал здесь? В этой комнате?

– Нет, – с удивлением и интересом сказал Манн. – Уверен, что вижу вас впервые. Вам... – он помедлил, – кажется, что вы здесь уже бывали?

– Дежа вю, – пробормотал Антон. Обычно он не признавался сразу в своей особенности воспринимать мир как вторичную проекцию чего-то, что уже было, но стерлось из памяти.

– Дежа вю, – повторил он. – С этим, собственно, все и связано.

Манн молчал и слушал.

* * *

Чтобы вам было понятно произошедшее... Вы можете решить, что у меня с головой не в порядке... Поэтому я расскажу сначала о своем детстве. Не подумайте, что это приступ словесного недержания. Наоборот, я никому... то есть, почти ни с кем об этом не говорю, зачем людей напрягать... Но сейчас... Вы правы, это лишние слова, а суть...

У меня странная память, знаете ли. Я попадаю в незнакомое место и вспоминаю, что уже был здесь. Это случается спонтанно, я не умею управлять процессом, хотя за многие годы пытался, конечно; иногда мне казалось, что получается, но всякий раз убеждался, что, если вызываю воспоминание намеренно, оно получается ложным, не таким, каким должно было бы быть... В общем, я давно не пытаюсь управлять...

Вы правы. Я нервничаю, да. Значит, сначала.

Мне было три года, когда я впервые с этим столкнулся. Мама привела меня в детский сад, я должен был остаться один... не один, конечно, среди детей, но без нее. Я вцепился обеими руками в мамину ногу, обтянутую джинсами, приготовился реветь и не отпускать шта-

нину ни при каких обстоятельствах. Но получилось иначе – мы вошли в большую комнату, где было много незнакомых детей, столиков, игрушек, и две молодые женщины... я их сразу узнал, только имен не помнил, и в комнате этой я уже был много раз, и в игрушки эти играл, а мальчику, уныло сидевшему в углу, я как-то вклеил затрещину, просто так, чтобы под ногами не путался.

Понимаете? Я отпустил мамину штанину. Я прошел к своему столику, кивнув по пути воспитательнице. Я не помнил, как ее звали, меня это не интересовало, я хотел достать из круглой зеленой коробки игру-змейку, которую вчера собирал сам. Правда, в моей памяти коробка была синей, но на эту мелочь я обратил внимание позже, а тогда просто засунул внутрь руку, вытащил странное сооружение, нисколько на змейку не похожее, и только тогда перепугался насмерть, потому что вдруг понял, что никогда я на самом деле здесь не был, не мог здесь ни с кем играть и никому не давал по шее и воспитательницу видел впервые в жизни. Глаза наполнились слезами, но мама уже ушла, удивленная и обрадованная моей реакцией на незнакомое. По дороге на работу она, подозреваю, размышляла о том, что очень плохо знала собственного сына.

В тот день я еще не понимал, что такое дежа вю, но странный момент узнавания позволил пережить стресс, и на другой день я шел в сад с ощущением, будто хожу туда целый год, я даже маму за руку не держал, бежал впереди, это я хорошо помню.

Я был ребенком, мне в голову не приходило отслеживать, классифицировать, сводить в систему. Единственное, что могу сейчас сказать, – странные приступы дежа вю происходили все чаще... или я стал их лучше помнить. Вам знакомо это ощущение, всем знакомо, каждый человек хотя бы раз испытал чувство беспричинного узнавания – места, человека, ситуации. Когда дежа вю случается раз или два, к этому относишься, как к курьезу, взбрыку памяти. Но если дежа вю наступает с регулярностью появления на вашей улице мусороуборочной машины... Не знаю, почему в голову пришло именно это сравнение. Наверно, потому что, когда я действительно впервые увидел машину, в которую сваливали мусор из огромных (так мне казалось) контейнеров, мне было очевидно, что именно эту машину, именно этого водителя я уже много раз видел, но не здесь, не на нашей короткой улице, соединявшей два широких городских проспекта. Я видел эту машину при совсем других обстоятельствах, и водитель этот, темнокожий и лысый, как глобус, помог мне... в чем? Этого я припомнить не мог, как ни старался, а подойти и спросить мне, конечно, в голову не приходило, я был ребенком, не помню сейчас, сколько мне было точно – шесть или семь, ходил я уже в школу или только готовился...

А когда, набравшись храбрости, я решил подойти и независимым тоном спросить у водителя: «Мы знакомы?»... тот же вопрос, который я потом задавал множеству людей при самых разных обстоятельствах, вам тоже, да... Так вот, когда я, наконец, решился, машина перестала приезжать. Мусор, конечно, убирали, но приезжала теперь другая машина, и водитель был другой – белобрысый парень с тяжелым взглядом.

Стационарное состояние моей психики оформилось лет в тринадцать. Просыпаясь утром, я смотрел в потолок своей давным-давно знакомой комнаты, и мне казалось, что я здесь уже бывал – странное ощущение: конечно, я здесь бывал, я здесь жил, я проводил в своей комнате много часов, я знал расположение всех трещин в штукатурке и всех чернильных пятен на дереве секретера, но все равно, просыпаясь, я вдруг (всякий раз вдруг) понимал, что я уже бывал в этой комнате, но, в том-то и дело, что не совсем в этой – я вспоминал, что на потолке должен быть желтый след от брызнувшего как-то шампанского, но его не было, и это меня смущало минуту-другую, будто я проснулся не в своей постели. А потом я вспоминал, конечно, что в моей комнате никогда не было на потолке следа от шампанского, но я точно помнил, что в моей комнате такой след был... ужасное ощущение раздвоенности сознания и, в то же время, общности, единственности мира, в котором все мои дежа вю не отдельные и не случайны, а составляют незыблемую систему.

Я знал уже, что так происходит не со всеми, точнее – ни с кем, кого я знал и с кем мог поделиться сокровенным. Вначале-то я рассказывал всем и каждому – маме с папой, прежде всего. Мама слушала не то чтобы без интереса, но с интересом, на который я не рассчитывал, – она испугалась, с ее сыном происходило что-то такое, чего не случалось с другими детьми. Как-то она повела меня к детскому психиатру. Тот, выслушав мои сбивчивые истории, сказал, что у меня гиперактивное сознание, и прописал таблетки, которые я наотрез отказался глотать – видимо, организм инстинктивно понимал, что это не нужно. Знаете, как я сопротивлялся! Я выбрасывал таблетки, я их прятал в рукаве, закладывал за щеку и выплевывал – в конце концов, заявил, что пить не буду, пусть меня из дома выгоняют, пусть запирают в темной комнате на весь день, пусть не позволяют читать книги – не буду, и все. Мама смирилась, а я перестал рассказывать о своих дежа вю, которые не только не становились реже, но, напротив, к четырнадцати годам стали такой же неотъемлемой частью моей жизни, как еда, сон и душ по утрам.

Когда нам начинали в школе объяснять новую теорему, я вспоминал, что уже слышал это объяснение, не совсем такое, не совсем теми словами, но слышал, хотя и не мог воспроизвести доказательство сам. Знаете, как это бывает – помнишь сам факт, помнишь обстановку, в которой было сказано нечто, помнишь даже слова, но вспоминаешь их именно в тот момент, когда эти слова произносятся в реальности – в памяти они сразу отражаются, и кажется, что они уже были там раньше, а в реальности возникли только сейчас. Обратное отражение, если вы понимаете, что я имею в виду...

Конечно, это не ясновидение, как вы сначала подумали. Ничего общего. Я никогда не вспоминал ничего такого, что со мной еще не происходило. Никогда не было, скажем, случая, когда я шел бы по улице, вдруг понимал, что из-за угла вылетит автомобиль, я упаду... а через секунду или минуту из-за угла действительно вылетает машина, но я уже готов и бросаюсь в сторону вовремя, чтобы не попасть под колеса. Это было бы ясновидением, да, но такого со мной никогда не происходило. Было все наоборот: я видел вылетающий из-за угла автомобиль, делал шаг назад и вспоминал – улицу (именно эту), автомобиль (этот самый, хотя в памяти он мог быть другого цвета или даже другой марки).

Со временем я научился использовать свои дежа вю для принятия решений. Это произошло, когда я уже учился в колледже в Ариэле. Я ездил сначала каждый день автобусом из Тель-Авива, а потом снял комнату... Эта история тоже интересна, потому что дежа вю как-то спасло меня от смерти, расскажу потом, если захотите. Тогда я понял, что собственную память просто обязан, раз уж так получилось, использовать для того, чтобы принимать правильные решения. Скажем, подавать ли документы в фирму «Эксель». Мне нужна была подработка, денег не хватало, мама (отец к тому времени умер) не могла помогать мне так, чтобы я удовлетворял свои молодые потребности... Прихожу в офис для собеседования, вспоминаю, естественно, что я здесь уже был, только столы стояли не так, и девушка-секретарша была не блондинкой, а жгучей брюнеткой, и руку за моим удостоверением протянула нехотя... И я начинал тянуть за эту нить, пытаться понять, что было дальше – в памяти, не в реальности. В реальности я протягивал документ (в памяти тоже), меня приглашали пройти в кабинет (я помнил, что вошел не в кабинет, хозяин фирмы – да-да, в точности такой же, как в реальности, – вышел в приемную, и мы беседовали, сидя в низких креслах у журнального столика), мне задавали вопросы, но слушал я не хозяина, а всматривался и вслушивался в то, что происходило в памяти, ловил момент... вот! Мне не нравились условия, я понимал, что работать придется больше, чем позволял студенческий график... дальше вспомнить не мог, потому что внимание переключалось на реальность, нужно было реагировать на голос, и я говорил: «Извините, меня это не устраивает», хотя ни слова в тот момент не помнил из того, что только что объяснял хозяин фирмы. Память вытесняла на какое-то время...

Вам надоело слушать, извините, сейчас перейду к делу, я только хотел, чтобы вы отнеслись к моим дежа вю серьезно. Это не игра фантазии, не ясновидение... Дежа вю, ничего больше.

* * *

– Значит, вы вспомнили... – протянул Манн, намеренно не закончив фразу.

– Как убили художника, – сказал Антон, прислушиваясь к собственному голосу и каждое следующее слово произнося все более уверенно. – А потом убийца заметил девушку и направился к ней, но она успела спрятаться... или выбежать из церкви.

– Этот человек... убийца... видел вас?

– Не могу сказать точно. Полумрак...

– Вы стояли за колонной?

– Нет. Рядом.

– На расстоянии...

– Сейчас я не могу вспомнить, какое расстояние нас разделяло. Метра три? Я... или звук шагов... отвлек его от девушки, и...

– Она скрылась, – закончил Манн.

– Не знаю. – Антон пытался вызвать воспоминания, вспомнить каждую деталь, но по заказу не получалось. По заказу не получалось никогда – какие-то детали пропадали, какие-то память присочиняла сама, так ему, во всяком случае, казалось, и он переставал понимать, чему должен верить, чему нет, а что подвергать сомнению и анализу.

– Когда я нервничаю, – попытался объяснить он, – память расплывается.

– Ничего этого не происходило на самом деле, – сказал Манн с полувопросительной интонацией. – Я хочу сказать: если бы вы сейчас давали показания в полиции, то не могли бы ручаться, что все, вами рассказанное, происходило на самом деле?

– Нет. То есть... Происходило, конечно. Иначе я бы этого не помнил.

– Но как же...

– Не знаю. То есть... У меня есть объяснение. Для себя. Иначе трудно было бы жить. Себе я все объяснил. Собственно... Профессию я выбрал именно такую, которая позволяла... Но это другой вопрос. Не думаю, что должен забивать вам голову гипотезами, которые, скорее всего, не имеют никакого отношения к реальности. *Ad hoc*¹. Знаете, что это означает?

– Да, – коротко сказал Манн.

– Типичная гипотеза *ad hoc*. Лично для меня. Чтобы я смог себе что-то объяснить. Ни один физик... Да я и не пытался... Послушайте, – взмолился Антон, – я не для того к вам пришел, чтобы теоретизировать по поводу...

– А зачем же? – с интересом спросил Манн.

– Я же сказал! То, что я вспомнил... Убит человек! Жизнь другого человека – девушки – в опасности.

– Ваша тоже, – заметил Манн, внимательно наблюдая за реакцией Антона.

– Да... может быть, – смутился тот, но поднял глаза и сказал твердо:

– Нет, моя жизнь ни при чем. Он меня не видел. Даже... Уверен, что убийца и не мог меня увидеть, иначе я бы почувствовал. Я всегда чувствую какое-то, если хотите, последствие. Вспомнить не могу, воспоминание обрывается, если я начинаю нервничать, но эмоция... Как бы точнее объяснить.

– Не надо, – мягко проговорил Манн. – Я понимаю, что вы имеете в виду.

– Значит...

¹ *Ad hoc* – для данного случая (лат.).

Манн покачал головой.

– Вы хотите, чтобы я разобрался в хитросплетениях вашей памяти? Но я не психоаналитик.

– Нет! Я хочу, чтобы вы... Человек убит, понимаете?

– В вашем воображении.

– Память – не воображение, – сухо произнес Антон. – Вижу, я не сумел объяснить вам разницу.

– Я прекрасно понимаю разницу между воображением и памятью. Я только не представляю, как вы... – Манн замолчал, споткнувшись о неожиданно злой взгляд Антона. – Хорошо, – сказал детектив, помолчав, – вы это помните, вы это видели, вы там были. Но под присягой вы ни одного своего слова подтвердить не можете.

– Нет.

– Вы хотите, чтобы я...

– Для начала надо выяснить: может, в церкви действительно произошло убийство.

– О котором я не знаю? Вряд ли. Амстердам – город большой, но здесь очень редко убивают. И о каждом убийстве пишут в газетах. Полиции у нас трудно работать – под пристальным вниманием прессы.

– У нас тоже. Иногда смотришь новости, и возникает ощущение, что в стране ничего не происходит, кроме преступлений.

– Я знал бы о том, что в церкви святого Юлиана убили человека, – твердо произнес Манн. – Не было такого. Значит, это не память, а фантазия.

– То есть, вы не беретесь...

– Расследовать то, что не произошло?

– Но вы можете навести справки, – продолжал Антон, игнорируя вопрос. – Художник, наверно, не первый раз работал в церкви. Портрет может существовать реально. Девушка... Натурщица, по-видимому. Она тоже может быть реальна. И тот человек... убийца. Я ощутил его присутствие, как самого себя. Да, я помню то, чего не происходило. Еще не произошло.

– Стоп, – прервал Манн своего визави. – Вы недавно сказали, что ваша память – не ясновидение. Вы не можете вспомнить то, что еще не случилось.

– Не могу. Человеку не дано помнить будущее.

– Вы противоречите сами себе.

– Нет, – сказал Антон. – Но для того, чтобы вы это поняли, я должен рассказать о своих предположениях, а на это сейчас нет времени.

– Почему? У меня в два встреча. Жена на работе – поехала на вернисаж в Гаагу, она пишет для «Тага». Вернется не раньше семи. У меня есть время, чтобы выслушать...

* * *

Моя специальность – космология. Наука о том, как устроено мироздание. Не наш крошечный мир, какой мы видим вокруг, а вся Вселенная целиком. Как она устроена сейчас, какой была раньше, какой станет много миллиардов лет спустя. Как она возникла, наконец. Не «почему» – на этот вопрос сейчас никто не ответит, но – «как».

Вы киваете, вы привыкли слушать странные истории странных людей, но ваш взгляд дает мне понять, что вы удивлены: почему я выбрал эту специальность? Любой другой человек на моем месте стал бы психоаналитиком, психологом – выбрал бы любую из профессий, связанных с изучением мозга и природы сознания. Собственно, я так и хотел еще в школе – понять, объяснить, что со мной происходит, что происходит с моей памятью, откуда берутся дежа вю, как их понимать, как с ними жить.

В Тель-Авивском университете сильное отделение психологии, я бывал на семинарах, сидел в уголке, ничего не понимая, мне нравилась атмосфера, нравилось, как студенты спорили с преподавателями и часто побеждали, я представлял: окончу школу, получу аттестат, поступлю... Чем мне еще нравились поездки – мне ни разу не показалось, что я там уже бывал. Все было для меня по-настоящему ново. Я говорил себе: конечно, я не мог здесь бывать, все нормально. Я даже сделал для себя определенные выводы: мне нужно выбирать для посещений такие места, о которых я точно знал, что окажусь там впервые. Если возникали сомнения... В общем, вы понимаете.

Но все это чушь. То есть, оказалось чушью, в конце концов. Как-то весной, незадолго до экзамена на аттестат зрелости – я готовился к математике, которую не любил по понятным причинам, – в университете профессор Штайнер читал лекцию о Юнге, о подсознательном, о синхронистичности. Мог я пропустить? Отложив вывод формулы, казавшейся мне беспробудно сложной, я поехал в Рамат-Авив. День был не жаркий, водитель не стал включать кондиционер, и в салон вливался через форточки свежий, будто только что созданный из запахов и чистых побуждений воздух, пахло цветами... Это было странно – цветы в Израиле не пахнут. Да, знаю, здесь тоже... Но тогда я ощутил запах и понял, что был здесь раньше, – именно в этом автобусе, именно на этом месте, впереди меня сидела девушка с пышными светлыми, будто соломенными, волосами, то есть... в памяти моей... на самом деле впереди сидел высокий старик, то и дело шумно сморкавшийся, из-за чего память рвалась пунктиром – я то возвращался в настоящее, то на мгновение проваливался в прошлое. Я знал, что с девушкой еду не на лекцию по психологии, мне нужно проехать еще три остановки и выйти у Музея диаспоры. Что мне там делать? Но я действительно проехал свою остановку, старик перестал сморкаться и вышел на следующей, а я продолжал сидеть, потому что помнил, как девушка встала и пошла к выходу, а я за ней, будто привязанный. Мы вышли у музея, и на улице я пришел в себя – не было, конечно, никакой девушки, эту остановку я и так знал, без всякого дежа вю, бывал здесь не раз, Музей диаспоры – место в Израиле популярное.

Я облегченно вздохнул и пошел в университет – в здание гуманитарного факультета можно было, конечно, пройти и через эти ворота, просто расстояние больше, и нужно было поторапливаться.

Самый короткий путь лежал через физический факультет, здание Каплан, – по коридору до конца, а потом через сквер направо. Я пошел, и, когда проходил мимо неприметной аудитории, ничем не отличавшейся от прочих... такая же синяя полураспахнутая дверь, такие же скамейки внутри, такое же возвышение, длинный стол, белая доска, проектор... Абсолютно не примечательная аудитория, но именно там меня вдруг настигло дежа вю, такое сильное, какого я никогда не испытывал. Я вспомнил, что бывал здесь много раз. Вспомнил, что сидел во втором ряду с края. Я не мог сопротивляться, вошел, сел и увидел аудиторию с такого ракурса, с какого видел много раз, и вспомнил, что я здесь, собственно, делал: слушал лекции по космологии! Это слово было мне тогда знакомо не больше, чем сложная формула из не любимой математики. Космология? Я вспомнил имя профессора, чьи лекции я здесь слушал, восхищаясь их лапидарностью и силой доказательности. Майер. Он прохаживался вдоль доски, быстро писал фломастером знаки и числа, стирал и писал новые, объясняя именно то, что я с детства хотел знать. Объяснял, почему человек иногда вспоминает события, никогда с ним не происходившие.

Я ни слова не запомнил из той лекции. Я ни слова из лекции не понял – язык математики был для меня в то время сложнее китайской грамоты. Но ощущение восторга от того, что я все понимаю, и что именно это я так хотел знать... Я сидел в пустой аудитории, кто-то заглянул в дверь, что-то мне сказал и вышел, я не обратил внимания, такого долгого дежа вю со мной еще не было, я слушал непонятную мне лекцию не известного мне профессора, чью фамилию я почему-то знал, и в тот момент я был уверен, что слышу ответы на все мои вопросы.

Может, прошла минута, может час... Не час, конечно, гораздо меньше, но мне казалось... Я пришел в себя и не сразу понял, что здесь делаю, – в аудиторию входили студенты, переговаривались, девушки смеялись и бросали в мою сторону взгляды, они пришли на лекцию, которая вот-вот должна была начаться, и я подумал: может, сейчас войдет тот самый профессор Майер, возьмет фломастер... Мне нужно было уйти, но я не мог встать, только отодвинулся к краю, чтобы не мешать, и, когда прозвенел звонок, вошел... нет, конечно, не Майер – пожилой преподаватель, сутулый, со взглядом, от которого хотелось бежать на край света. Он заговорил о чем-то, совершенно мне не интересном, какие-то теоремы Вейерштрасса, признаки Коши... Я встал и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Я довольно часто принимал решения под влиянием дежа вю – неосознанно, просто мне казалось... Обычно это были простые житейские решения: пойти погулять или остаться дома – я не хотел никуда выходить, но, выйдя из комнаты в коридор, вдруг ощущал, что уже был здесь раньше. Что такого, в этом коридоре я бывал по сто раз на дню, но возникало совершенно новое ощущение – будто я здесь впервые, никогда прежде не видел эти стены... да, это не дежа вю, а что-то противоположное, вы правы, но по сути – то же самое, в моем восприятии... и меня неудержимо тянуло выйти из этого замкнутого пространства... ощущение проходило быстро, а желание оставалось, и я шел гулять, хотя минутой раньше не собирался этого делать.

А в тот раз, в университете, я понял, что должен – должен, понимаете, не могу подобрать другого слова! – стать не психоаналитиком, а непременно космологом. Я дошел, конечно, до того места, куда направлялся, но все, что было мне интересно еще вчера, показалось несущественным, в какой-то степени даже глупым, хотя я и не мог оценить степень глупости или хотя бы доказать себе, что это глупость.

Больше я в университет не ездил. Ни на психологию, которая стала мне не интересна, ни на физфак, где читали лекции на темы, мне непонятные и, казалось, ненужные.

Я нашел в интернете все, что смог найти о космологии, – там не оказалось ни одного слова о том, что меня на самом деле интересовало. Дежа вю? Какое в космологии дежа вю? Космология изучает Вселенную от момента Большого взрыва до конца времен, когда распдутся атомы и не останется от нашего мира даже воспоминаний, потому что память – это всего лишь связи между атомами и молекулами в нашем мозгу.

Но вот что странно. Через несколько дней после того случая в университете я сдавал экзамен на аттестат по математике, был уверен, что получу низкий балл, и придется пересдавать, может, даже не один раз. Я честно просидел пару ночей над учебниками, попросил маму проверить мои знания и, когда она спросила что-то о синусах-косинусах, я неожиданно для себя ответил четко и точно. Мать посмотрела на меня с радостным удивлением, а я был поражен, потому что... это тоже было дежа вю, но совершенно другого рода, такого со мной еще не было. Услышав вопрос, я вспомнил ответ, вспомнил не картинку, как обычно, не то, что я здесь был и что-то такое читал. Я отчетливо вспомнил страницу учебника математики, лежавшего в моей сумке. Этот учебник я открывал тысячи раз, там были мои карандашные пометки, я и их вспомнил, хотя никогда не отличался хорошей зрительной памятью, и помнил одновременно, что на самом деле пометки, которые я оставил на полях, были не совсем такими, какие я вспомнил, но в тот момент для меня не существовало разницы, я просто прочитал маме то, что увидел, она поцеловала меня в щеку, сказала что-то вроде: «можешь ведь, когда хочешь» и задала следующий вопрос. Я с тревогой ждал, что ничего на этот раз не получится, дежа вю никогда не являлись по моему желанию, и я, конечно, не знал ответа, не вспомнил ни страницу учебника, ни то, что сам записывал в учебную тетрадь. Я так растерялся, что молча сидел и смотрел маме в глаза, дожидаясь, пока она поймет, что я не знаю, не готов, не смогу...

В тот момент я вспомнил другое. Взгляд упал на лежавший на краешке компьютерного столика диск, это был диск с какой-то игрой, я ее вчера переписал у приятеля и еще не успел установить. На диске было моей рукой написано название, и я вспомнил, что уже писал

это название однажды. На диске, таком же, но не совсем, и название обозначало не игру, а... что? Что-то другое, это был другой диск, но тот самый в то же время. Ощущение было таким, будто я сам этот диск копировал из какой-то программы, которую не мог вспомнить, и на диске было записано многое – в том числе ответ на задачу, и я его тоже вспомнил и вспомнил, как зубрил нужный параграф из очень мне знакомого учебника...

Я больше не хотел заниматься психологией, мне стало не интересно разбираться в причинах человеческого поведения и тайнах характера, я был убежден, что ответы на свои вопросы найду в физике – ненавистной, непонятной, необходимой, привлекательной, волнующей физике.

Кстати, экзамен я тогда сдал без проблем, получил оценку, позволившую подать документы в приличный колледж, и я выбрал Ариэль, давно претендовавший на звание университета. Там и физика была на достаточно высоком уровне, и космологию собирались вводить с третьего курса.

Простите, я слишком увлекся воспоминаниями... Конечно, надо бы досказать, чтобы вы понимали, откуда растут ноги...

* * *

– Интересно, – сказал Манн, поднимаясь, – и я с удовольствием вас послушаю. Дежа вю, говорите. Я человек наблюдательный – профессия обязывает – и обратил внимание на ваше удивившее меня поведение. Войдя, вы посмотрели по сторонам, нахмурились, будто узнали что-то, и уверенно направились к этому креслу еще до того, как я предложил вам сесть именно туда.

– Иногда я привожу людей в смущение...

– Мне действительно нужно уходить, но вы меня заинтересовали. Давайте продолжим разговор вечером. Я освобожусь в шесть, почему бы нам не поужинать у Касыма? Это турецкий ресторанчик на Хартенстраат, там рыба лучшая в Амстердаме. И... вас не очень смутит, если моя жена будет присутствовать? Кристина, хотя и репортер, но никогда не использует в работе то, что узнает от меня, можете на этот счет не волноваться.

– Я не волнуюсь, – пробормотал Антон. – Это далеко от центра?

– Знаете Домскую площадь? Новую церковь? Обогнете ее слева, выйдете к каналу, перейдете мостик и на противоположной стороне увидите указатель. Оттуда метров двести. Найдете, это не проблема.

Манн говорил, распахивая по карманам мелочь, ключи, телефон, пейджер, что-то еще, зеркальце, кажется, или записную книжку. Он ходил по комнате, собирая вещи со стола, диванчика, с полок и даже с пола что-то подняв, рассмотрев и тоже засунув в карман.

Антон ждал у двери. Попрощаться и уйти? Так было бы приличнее. Может, хозяину нужно сейчас остаться одному?

– Я пойду, – сказал Антон. – До вечера.

– Погодите, – задержал его Манн. – Скажите... Я еще не знаю, возьмусь ли за это дело. Но если истина, которую я обнаружу, не будет соответствовать вашим о ней представлениям...

– Неважно, – сказал Антон убежденно. – Это совершенно неважно, не думайте об этом.

Манн кивнул:

– Я могу отвезти вас до площади, если хотите.

В салоне машины чувствовался терпкий запах духов, запах Кристины, с которой Антон еще не был знаком, но... Он узнал запах. Привычное ощущение. Он не ездил в этой машине, но вспомнил запах, и воспоминание потянулось нитью, оборвавшейся, когда Манн включил двигатель, и тихий плавающий звук смыл слабое дежа вю, воспоминание о женщине, которую Антон никогда не видел, но которая сыграла в его жизни важную роль...

Не здесь.

Он вышел на углу Домской площади, и Манн, прежде чем захлопнуть за ним дверцу, неожиданно спросил:

– Этот художник в церкви... У него длинные каштановые волосы с пробором посередине?

– Посередине? – Антон не помнил эту подробность. Он не разглядел, какими были у художника волосы, не обратил внимания, а сейчас не мог вспомнить. Длинные – да, но в полумраке трудно было понять, какого они цвета. Пробор... Пожалуй. Да, теперь Антон мог сказать точно: каштановые волосы с пробором посередине. И руки... Почему-то руки художника показались Антону очень длинными.

– Каштановые, да. И пробор. А еще... Какие-то руки... слишком длинные, что ли.

– Понятно, – кивнул Манн. – Вот моя карточка, здесь номер телефона, пейджера, электронный адрес. Если с вами случится что-то...

– Дежа вю, – подсказал Антон.

– Гм... Да. Звоните сразу.

Антон кивнул, Манн захлопнул дверцу и укатил по берегу канала в сторону Оперы. Оставшись один, Антон почувствовал незащищенность и желание спрятаться неизвестно от чего – укрыться куда угодно, посидеть в тишине, не думая. Знакомое ощущение, но обычно оно приходило дома, где он действительно мог забиться в свой угол, закрыть дверь, опустить жалюзи и сидеть в полумраке.

На людях с ним никогда не случалось ничего подобного – видимо, организм знал, когда можно прибегать к концентрированным средствам защиты, а когда не стоит.

Антон вошел в здание ратуши, купил билет в музей и минут пять спустя нашел в коридоре закуток, где стояла деревянная скамья и можно было посидеть, подумать...

* * *

Он обогнул Новую церковь, вышел к каналу, перешел мостик и на противоположной стороне увидел указатель. Метров через двести случился переулочек – нечаянно, будто возник только что, раздвинув собственным узким пространством два шестиэтажных дома. Переулочек, похоже, еще кряхтел от неожиданного рождения, когда Антон свернул с улицы и оказался будто на дне глубокого оврага. Здесь он точно никогда не был, ощущение дежа вю не посетило его ни разу на пути к маленькому кафе с красивой зеленой дверью и ажурной вывеской на двух языках – голландском и арабском. Ни тот, ни другой язык не был Антону понятен. Может, это было не то кафе, что ему нужно, но углубляться в переулочек не хотелось. Антон толкнул дверь и, переступив порог, понял, что пришел правильно. Знакомое чувство возникло, но быстро исчезло – он бывал здесь, сомневаться не приходилось. Стоя в дверях и оглядывая низкий потолок, стены, выкрашенные в светло-зеленый цвет, длинную стойку сбоку узкого, уходившего в темную даль, зала, стоявшие в шахматном порядке столики с табуретами вместо стульев, он отмечал и отличия. Да, он был здесь, но тогда стены были белыми, столы – квадратными, а не круглыми, но за стойкой и в первый его приход стоял тот же парень – смуглый, с огромными черными глазами, лет двадцати пяти, и звали его... да, это он тоже вспомнил, звали парня Касым, и был он сыном хозяина, имя которого значилось на вывеске... как же его... не вспоминалось.

Заняты были только два столика в глубине зала. Манна Антон не увидел и направился к стойке.

– Касым? – спросил он.

Бармен широко улыбнулся и кивнул Антону, как старому знакомому:

– Добрый вечер, господин, – сказал он по-английски, признав в Антоне туриста. – Что будете заказывать? Пить? Спиртного не держим, но из безалкогольных напитков – все что угодно.

– Я был здесь, верно? – задал Антон традиционный вопрос. – Недавно. Дня два назад. Касым с удивлением посмотрел на посетителя.

– Вам лучше знать, господин. Возможно.

– Вы меня не помните?

– Простите, – улыбнулся бармен. – Вечерами тут довольно людно...

– Это вы меня простите, – сказал Антон, приходя в себя. – Я просто... Да, стакан апельсинового сока и два кутаба с зеленью.

Он ел кутабы в прошлом году, когда приезжал в Иерусалим, чтобы поработать в библиотеке университета. В Старом городе, на виа-Долороза, куда он зашел специально, чтобы пройти несколько кварталов по пути Иисуса, мальчишка-араб буквально всучил ему пару свежайших кутабов. Он не хотел есть, но разве поспоришь с продавцом, готовым спустить цену чуть ли не до нуля, хотя, на самом деле, ровно до того значения, которое и было реальной стоимостью. Это было так вкусно... Здесь, в турецком кафе, должны быть кутабы.

– Садитесь, господин, – Касым кивнул на один из столиков, ближайший к выходившему в переулок окну. – Сейчас я все принесу.

Поразительно: когда Антон вошел, за столиком у окна не сидел никто, он мог в этом поклясться. Сейчас на него смотрел Манн, положив на столешницу свои длинные руки, а рядом с ним сидела женщина лет тридцати, с тонкими губами и классическими чертами лица, пышная копна рыжих волос была похожа на вспыхнувший утренним светом солнечный восход. Лицо женщины, естественно, показалось Антону знакомым, будто Манн уже представлял ему свою жену, и они даже будто немного говорили о чем-то нейтральном. Да, он вспомнил: о том, что в музее Ван Гога открылась новая выставка произведений художников-модернистов, и там есть несколько уникальных работ, которые непременно нужно посмотреть.

– Вы вошли так тихо, – сказал Антон, присаживаясь к столу. Женщина протянула ему руку, и он, не задумываясь, поцеловал тонкие пальцы, – я не заметил. Будто из ничего возникли.

– У Кристины есть такая особенность, – согласился Манн. – Я слышал, вы сказали Касыму, что бывали здесь раньше. Он удивился. Я хорошо знаю Касыма, память у парня фотографическая. Если бы он вас видел даже несколько лет назад, то непременно запомнил бы.

– Я знаю... – пробормотал Антон. – Всякий раз говорю себе: подумай, прежде чем задавать дурацкие вопросы, на которые сам знаешь ответ. Но это...

– Само спрашивается, да? – сказала Кристина, и Антон понял, что Манн уже рассказал жене о странном посетителе, и ему не придется повторять для нее свою историю – об убитом художнике, в том числе.

Касым принес на большом подносе высокий графин с апельсиновым соком, три тарелки – одну с кутабами для Антона и две с длинными поджаренными колбасками – люля-кебаб, как определил Антон, никогда это блюдо не пробовавший, но ощутивший сейчас послевкусие, будто только что проглотил аппетитный кусок. Должно быть, Касым знал, что обычно заказывал Манн, и принес, не спрашивая.

– Приятного аппетита, – пожелал он и отошел, бросив сначала на Антона внимательный изучающий взгляд. Запомнил. Теперь на вопрос «не виделись ли мы?» он и через полвека ответит положительно и даже назовет дату.

– Давайте, – сказал Манн, – сначала поедим, а потом закажем кофе – здесь, кстати, лучший кофе по-турецки во всем Амстердаме, хотя Кристина с этим не согласна. Закажем кофе и поговорим.

– Есть что... – начал Антон и замолчал, остановленный взглядом детектива.

Кутабы оказались восхитительны, сок обволакивал нёбо, Кристина медленно, выделяя каждое слово особой интонацией, рассказывала о том, как брала интервью у Макса Димайера, о котором Антон слышал впервые, но рассказ все равно показался ему знакомым.

– И мы расстались, очень довольные друг другом, – заключила Кристина, отправив в рот последний кусочек мяса.

– О ком бы Криста не говорила, – заметил Манн, положив ладонь на руку жены, – она всегда заканчивает повествование этой фразой. Не помню случая, когда бы она сказала: «Это был ужасный человек, и мы расстались, очень друг другом недовольные».

– Ах, – улыбнулась Кристина. – Ты никак не можешь удержаться от своей обычной реплики по этому поводу.

– Традиции надо соблюдать, – сказал Манн и, подняв руку, щелкнул пальцами – подал знак Касыму принести кофе.

– Так, – продолжал он, когда бармен поставил перед каждым из них по маленькой, с наперсток, чашечке, от которой исходил терпкий запах, меньше всего напоминавший о кофе, а больше – о заморских пряностях. – Теперь я вам кое-что скажу, господин Симак.

– Нет, сначала я, – вмешалась Кристина. – Антон, вы случайно не родственник Клиффорду Симаку, который...

– ...Писал фантастику, – подхватил Антон. К этому вопросу он тоже привык, ждал, когда его об этом спросят, но Манн не спросил; видимо, не был поклонником фантастики. – Нет, и даже не однофамилец.

– Как это? – удивилась Кристина. – Вы ведь...

– Симак, да. Но, понимаете, я из России, в Израиль переехали, когда мне было семь. На русский фамилию Симака, так повелось еще с советских времен, переводили, как Саймак. Русский читатель Симака с фантастикой не отождествляет, поверьте. Конечно, я читал и любил Саймака, но мне в голову не приходило, что мы с ним, оказывается, однофамильцы.

– А я так надеялась, что родственники, – с нарочитым разочарованием сказала Кристина, и Манн рассмеялся.

– Все, – сказал он. – Полагаю, мы покончили с традиционными вопросами и репликами, и можем перейти к делу.

– Да? – Антон поднес ко рту чашечку, но пить не стал, тяжелая черная жидкость показалась ему неприятной. – Вы что-то узнали?

– Есть в Амстердаме художник по фамилии Ван Барстен...

– Ты о Якобе? – вставила Кристина.

– Именно. Утром по вашему описанию я его узнал, оставалось выяснить подробности.

– Девушка...

– Погодите. Дойдем и до девушки. Итак, Ван Барстен. Лично мы не знакомы, хотя, спасибо Кристине, я знаю очень многих художников. Поэтому навести справки оказалось легко. Неплохой художник – из новых, которые предпочитают примитивизм и полагают этот стиль самым сложным в изобразительном искусстве. Это как бы высший виток спирали. Можно примитивно рисовать, ничего больше не умея. А можно уметь все – от классического портрета в стиле Рембрандта до кубических женщин Пикассо – и весь свой наработанный багаж положить на алтарь примитивизма, который, на мой взгляд, не становится от этого менее примитивным, а, по мнению Ван Барстена, смотрится совсем иначе.

– И это так, Тиль, – не удержалась от реплики Кристина. – Примитивисты разных школ отличаются так же...

– Да-да, – поспешил сдаться Манн, – не спорю. Я только хочу сказать, что Ван Барстен очень не прост и далеко не так примитивен, как хочет казаться. В музее Ван Гога есть несколько его работ – большая честь для художника, – но работы настолько разные, что, если не прочитать подписи, вы решите, что писали несколько живописцев. Но чего Ван Барстен никогда не делал,

и это подтверждают все, с кем я успел переговорить, – он никогда не рисовал в церкви. У него нет ни одной выставленной работы, связанной с религиозной тематикой.

– И все это, – опять вмешалась в разговор Кристина, – я могла сказать сама.

– Тебя не было в городе. Это раз. А во-вторых, я держал тебя на сладкое, как эксперта. Если бы кто-нибудь мне соврал, ты могла бы определить – кто, в чем и когда.

– Ты считаешь, кто-то сказал тебе неправду? – насторожилась Кристина.

Манн кивнул.

– Возможно... Я расспрашивал не только и не столько о том, хороший ли Ван Барстен художник, на этот вопрос я не получил бы объективного ответа. Я задавал вопросы о его знакомствах, видел ли его кто-нибудь с девушкой... вы не очень точно ее описали, Антон, и я боялся, что мне назовут с десяток имен. Но мне не назвали ни одного! Представляете? То есть... почти ни одного. Ван Барстен очень щепетилен относительно своей личной жизни. Это не означает, что он вообще чурается женщин. На вернисажах и приемах его всегда видят с разными женщинами, он никогда не появлялся дважды с одной и той же. Да, Кристина?

– Пожалуй...

– Но... – решился вставить слово и Антон. – У него должна быть натурщица... если, как вы говорите, он мастер писать классические портреты.

– Вот! – воскликнул Манн. – В точку. О его натурщиках известно только то, что они у него действительно были. Он никогда не выводил ни одну из них в свет. Никто из его знакомых никогда не встречал его натурщиц в студии. Натурщицы Амстердама – а это, позвольте сказать, закрытое общество, у них нечто вроде профсоюза, и они с большой неохотой допускают в свою компанию новеньких, – да, так они утверждают, что никогда для Ван Барстена не работали.

– Портретное сходство... – начал Антон.

– Вот! Ван Барстен писал фигуры своих натурщиц... неизвестно, откуда он их брал... но, похоже, лица писал другие. Может, по памяти. Может, по фотографиям. Но это его ранние работы, десятилетней давности, а сейчас, когда он достиг вершин в примитивизме, о каком портретном сходстве может быть речь? За последний год он не написал ни одного классического портрета.

– В общем, – с сожалением заключил Антон, – вам ничего не удалось обнаружить.

– Ну, как же!

– Ничего такого, – исправил свою ошибку Антон, – что могло бы помочь в расследовании убийства.

– Никого же не убили, – сказала Кристина. – Якоб жив-здоров.

– Допивайте кофе, – предложил Манн, – и я вам кое-что покажу.

Антон с удивлением обнаружил, что чашечка его пуста – видимо, он сделал из нее единственный глоток, в который уместилось все содержимое, и не обратил на это внимания. Во рту он ощущал незнакомый привкус чего-то терпкого, но это могло быть и ощущение от съеденного кутаба. Как бы то ни было, чашка опустела, от кофе осталась на доньшке густая, почти твердая, гуща, формой напоминавшая распластанную птицу, – Антону почему-то пришла на ум ассоциация с цыпленком-табака. Он понятия не имел, как интерпретировать такую картинку, возможно, сулившую ожидание встречи, во время которой его так же распластают...

Он тряхнул головой, отгоняя нелепые мысли, и поднялся вслед за Манном и Кристиной. Манн отошел к стойке, чтобы расплатиться, Антон двинулся следом, но Кристина взяла его под руку и повела к выходу.

– Все это поразительно, – сказала она. – И, похоже, Тиль увлекся. В последнее время с ним это случается редко. Да и дела попадают простые – в основном, слежка за изменившими супругами, еще то занятие.

Они вышли в темноту переулка, здесь горели фонари – старинные, висевшие на стенах домов на ажурных кронштейнах, – но казалось почему-то, что свет от них поглощался возду-

хом, и освещенным оставалось очень небольшое пространство вокруг каждого фонаря, а уже в метре или двух мрак брал свое.

Манн вынырнул из светлого проема двери, будто дайвер после глубокого погружения.

– Машина за углом, – сказал он.

– Куда поедет? – спросила Кристина, взяв мужа под руку.

– В церковь святого Юлиана, естественно, – сказал Манн, не глядя на Антона.

У того защемило под ложечкой.

– Там... – он не мог закончить фразу. – Вы нашли...

– Идемте-идемте, – поторопил Манн. – Все увидите на месте.

* * *

Вечером площадь перед собором выглядела совсем иначе. Утреннее дерево протянуло ветви вверх, будто гребцы подняли весла для просушки. Стоявшие по периметру площади фонари на низких столбиках, похожих на поднявшихся на цыпочки гномов, освещали не все пространство, а только личные круги, каждый фонарь – свой, и получилось световое многообразие, отграничившее от тьмы то, что тьмой не являлось, но и светом не было – нечто смутное, туманно-знакомое...

Он бывал здесь, да. Вспомнилось. Антон одернул себя – конечно, бывал. Был. Утром. И сразу одернул себя еще раз. Нет. Он не узнал утреннюю площадь. Если бы Манн не привел его сюда со словами «Здесь вы были утром, а вот церковь», то Антон был бы твердо уверен, что пришел сюда впервые. Другое ощущение. Ощущение узнавания чужого, привычное, как кофе по утрам.

Он был здесь. Именно в темноте, когда не горели фонари и площадь была погружена во мрак, как затонувший корабль в морскую пучину. Он шел... да, вот отсюда, откуда они пришли и сейчас, оставив машину на широкой и людной по вечерам Кловениерсбургваль. Он шел в темноте, но шел уверенно, потому что знал дорогу... куда? К храму? Но церковь стояла немного в стороне, Антон вспомнил, как прошел мимо ее угрюмого в темноте силуэта, склонившегося над ним, будто великан, занесший руку с... чем? Это был всего лишь шпиль, неясно различимый на фоне звезд небесных, глядевших, однако, не с далекого неба, а с близкого черного полотна, натянутого над землей и отгородившего людей от мироздания, чтобы души их, отделенные от тела неожиданной и превратной смертью, не могли подняться и попасть в светлый рай.

Странная мысль, совершенно Антону не свойственная, но почему-то пришедшая в голову, когда он медленно шел по плитам площади, стараясь дважды не наступать на одну и ту же, будто в детстве, когда он прыгал по тротуару, следуя какой-нибудь щели в асфальте и боясь с нее сойти, как боится сойти с жизненного пути человек, не уверенный в собственных поступках.

– Антон!

Голос Манна не был ни требовательным, ни даже просительным – было просто произнесено его имя, и Антон подумал, что Манн боится невольным своим отношением, выраженным в интонации, сбить его то ли с мысли, то ли с ощущения, то ли...

– Я здесь, – пробормотал Антон.

– Вот дверь, входите, только держитесь рукой за стену, там темно.

Голос без эмоций, как электронный гид.

Манн вошел первым, Антон за ним, Кристина – последней. Дверь позади тихо проскрипела, и что-то щелкнуло. От этого не стало ни светлее, ни темнее. Антон остановился, чтобы глаза привыкли... не к полному мраку, здесь все же было какое-то освещение, но трудно было сразу понять, откуда шел слабый рассеянный свет. Впереди, далеко-далеко, будто на другой

планете, светились свечи на алтаре. Две свечи или три, Антон не мог сосчитать, ему казалось, что число светлых блесков все время меняется. Две... три... сейчас четыре... опять две...

Он разглядел спинки стоявших рядами скамей, широкий проход, в котором темная фигура обеими руками делала приглашающие жесты.

– Идите за мной, – сказала фигура голосом Манна, и Антон ощутил затылком легкое, ароматное дыхание стоявшей позади него Кристины.

– Сейчас, – пробормотал он и почувствовал ладонь, едва чувствительно взявшую его за локоть. Кристина? Ладонь не подталкивала его, не тянула – она просто была, как указание на то, что он не один, и что мир реален.

Он сделал несколько шагов, потом еще и, наконец, освоившись, довольно быстро пошел за удалявшейся тенью Манна, а ладонь Кристины не вела его, а всего лишь сопровождала.

– Никогда не была в церкви ночью, – произнес тихий женский голос. Антон не был уверен, что это сказала Кристина, скорее нет, она не сказала бы так, не решилась бы нарушить тишину. Тогда – кто?

Антон вспомнил. Конечно. Он уже был здесь. Именно здесь и именно ночью. С девушкой, чей голос сейчас услышал. С девушкой, которую привел сюда, чтобы... С девушкой, которую звали... Чтобы – что? Звали – как?

Он не должен был задавать себе этих вопросов. Вопросы мешали вспоминать. Память, как юноша, смущенный под откровенно любопытствующим взглядом женщины, попыталась прикрыться, и Антон почему-то вспомнил (зачем это сейчас?), как несколько лет назад ездил с группой студентов в поселение Ицхар в Самарии – они хотели поучаствовать в акции, организованной студенческим союзом против строительства забора безопасности. Надо же приобщаться к студенческой жизни, и только прибыв на место – работали бульдозеры, рыли длинные рвы под фундамент, – поняли, что занялись не своим делом. И тогда...

Антон мотнул головой, отгоняя не нужное сейчас воспоминание, и оно услужливо рухнуло, вернув его в тьму, освещенную тремя – теперь он точно видел: тремя – свечами, стоявшими на длинном столе перед алтарем.

Он вошел в центр круглой площадки точно под куполом – он это знал, хотя и не поднял голову, чтобы посмотреть вверх. Купол был над ним, и, если встать лицом к алтарю, то слева будет проход к двери, ведущей не на улицу, а в коридор и оттуда по лестнице вверх, на хора, а справа – чья-то часовня, небольшая, но красиво оформленная, красный мрамор и белая статуэтка Мадонны. Он помнил, как девушка, с которой он приходил, преклонила перед Мадонной колени, а он стоял чуть поодаль, не зная, как поступить – не молиться же, на самом деле, но и делать вид не причастного к религии человека, он не хотел тоже. Надо было...

– Если вы что-то вспомнили, Антон, говорите. Говорите вслух. Тихо или громко – как хотите, чтобы не мешать самому себе вспоминать...

Голос Манна?

Здесь – где он стоит сейчас – стоял днем мольберт художника. А здесь – круглый столик, на котором лежали тюбики с красками, кисти – штук десять разных. Столик был старый и замазанный красками настолько, что первоначальный его цвет угадать было невозможно.

– Если вы что-то вспомнили...

– Да, – тихо сказал Антон, и голос мгновенно замолчал, уступив пространство, в котором только и могли распространяться звуки.

– Тогда тоже горели три свечи. – Он говорил вслух или только думал, а мысли сами, независимо от его желания, создавали в воздухе звуковые завихрения? – Снаружи светила полная луна, и здесь было немного светлее, чем сейчас. Во всяком случае, я различал проходы между рядами, а сейчас не вижу. Рядом со статуэткой Мадонны, в алтаре, где сейчас темно, стоял подсвечник с догоравшей свечой, пламя сильно колебалось... Она подошла и преклонила колени, а я стоял... здесь... и не знал, что делать. У меня такое ощущение, будто какая-то

сила... не сила тяжести, что-то не существующее в реальности... давит на плечи... ощущение страха... Она поднимается, крестится, я вижу ее затылок, опущенные плечи... и мне хочется...

Голос Антона становился тише, последние слова он шептал так, что Манну пришлось подойти ближе, Кристина тоже приблизилась, теперь они стояли в центре бесконечного в темноте зала почти вплотную, будто обратились в скульптурную группу.

Антон замолчал.

– Луна, – тихо, но очень отчетливо, произнес Манн, будто закрепляя произнесенные слова то ли в собственной памяти, то ли в памяти Антона. – Молитва. Страх.

Он помолчал и добавил:

– Имя.

Антон медленно пошел по проходу к правому ряду колонн. За ними действительно обнаружилось небольшое круглое углубление, в котором (Манн, шедший сзади, щелкнул зажигалкой, и в колеблющемся свете стало видно) стояла на красном мраморном постаменте небольшая, сантиметров сорок, белая статуэтка Мадонны, прижавшей к груди полные руки. Голова женщины была опущена, но почему-то казалось, что взгляд устремлен вперед. Мадонна смотрела на них не глазами, но чем-то, таившимся в глубине ее души, ощущение было странным, и Антон тряхнул головой, отгоняя наваждение. Он оглянулся – Кристина не последовала за ними, осталась посреди зала и почти растворилась во мраке.

Рядом с постаментом на полу, выложенном такими же красными мраморными плитками, стояла старая медная плошка с удлиненной ручкой, на донышке можно было разглядеть что-то застывшее, заскорузлое – может, остатки давно сгоревшей свечи.

Антон наклонился, протянул руку, чтобы взять плошку и рассмотреть поближе, но требовательный голос помешал это сделать.

– Не нужно, – сказал Манн.

Антон отдернул руку.

– Потом... – сказал Манн. – Что было потом? Помните?

– Мы ушли. Она шла чуть впереди меня, шла не быстро, но я почему-то не мог ее догнать. Я шел сзади и хотел, чтобы она обернулась, но она шла и шла, мы вышли в темноту...

Антон замолчал. Ему тоже нужно было выйти отсюда, чтобы вспомнить, но ноги не слушались, он смог только отступить на два-три шага и остановился, опершись правой ладонью на счастливо оказавшуюся здесь колонну. Стало трудно дышать, он знал это свое состояние – когда дежа вю слишком сильно захватывало сознание, у него будто прерывались физические связи с реальным миром: меньше воздуха поступало в легкие, меньше света – в глаза, меньше звуков – в уши, и нужно было держаться за что-то, чтобы не упасть. Слабость проходила быстро – за несколько секунд, – и он возвращался в настоящее из прошлого, которого не существовало на самом деле, но для него все равно оставалось реальным. Память фиксировала то, что он вспомнил, и теперь вызвать заново это воспоминание не представляло труда. Не представляет ведь труда вспомнить еще раз, как на прошлой неделе он приехал в турбюро забирать свой билет, а его турагент сказала, что он мог и не приезжать, билет она ему уже послала по электронной почте.

Манн подставил локоть, и Антон благодарно за него ухватился.

– Простите, я... – сказал он.

– Все в порядке, – проговорил Манн и добавил, медленно ведя Антона к центру зала, где дожидалась Кристина, не видевшая и не слышавшая ничего из того, что было сказано у алтаря: – Имя. Эта девушка, о которой вы вспомнили. С которой были здесь, ее звали...

– Эсти, – сказал Антон. Не то чтобы вспомнил, он всегда знал это имя, как всегда знаешь имя любимой женщины, даже в детстве, когда до встречи еще много лет, или в старости, когда любовь давно кончилась, и имя, казалось, успело истончиться и покрыться пылью забвения.

– Эстер? – переспросил Манн. – Это...

– Эсти, – повторил Антон. Так он помнил и понимал, что к библейскому имени Эстер его Эсти не могла иметь никакого отношения.

Помолчи, – мысленно попросил он Манна, – мне нужно вспомнить. Было что-то, что я упустил. Луна, молитва, страх. Четвертое слово. Какое? Тайна... Нет, но что-то близкое по смыслу. Что?

– Эсти, – задумчиво повторил Манн, а Кристина тихо кашлянула, привлекая к себе внимание.

– Ты... – начал было Манн, но Кристина кашлянула еще раз, давая понять, что сейчас не время спрашивать. Просто ей кое-что ясно, и она скажет об этом... потом.

Антон подумал с раздражением, что Манн все же сбил его с мысли, точнее – стер из памяти четвертое слово, самое важное. Луна, молитва, страх... Что еще?

– Вы давно знаете эту девушку? – Манн говорил монотонным голосом, будто гипнотизер. Но гипнотической силой его голос не обладал – Антон лишь с недоумением повернулся к детективу, ему показалось, что сам Манн постепенно погружается в сон, гипнотизируя самого себя. Ну да, глаза закрыты, о чем-то он думает, а спрашивает, похоже, потому что надо о чем-то спросить, вот он и...

– Я ее не знаю, – раздраженно сказал Антон. – Я ее вспомнил, но у меня нет ощущения, что мы знакомы. То есть...

Как объяснить, что дежа вю – память о несуществовавшем, которая вбирает в себя реальность, становясь настоящим? Ему кажется, что он бывал здесь, ему кажется, что эта девушка, Эсти...

Только кажется? Антон подумал, что ночь и эта зыбкая реальность что-то изменили в его восприятии. Раньше он никогда не думал о своих дежа вю: «кажется». Почему теперь?..

– Странная здесь обстановка, – сказал Манн будничным голосом, вовсе не сонным и не монотонным, он открыл глаза и посмотрел на Антона, но понять выражение было трудно – темно. – Свечи сейчас погаснут, а нас попросят уйти. Антон, я договорился, чтобы нас впустили, но разрешили быть только до одиннадцати, а сейчас уже без пяти. Пойдем?

Они поднялись и пошли к выходу, впереди шел Манн, находя дорогу ощупью, Антон слышал, как детектив тихо чертыхается, и ему стало смешно – странно звучало упоминание черта в господнем храме. Он протянул руку, коснулся спины Манна, почувствовал на своей спине руку Кристины, так они и шли – гуськом, касаясь друг друга, пока не оказались на площади, где по-прежнему горели неяркие фонари, а сверху, на крышу собора улеглась чуть уже ущербная луна.

Когда они вышли, дверь за ними захлопнулась с глухим стуком, и Антон услышал скрипучий поворот ключа.

– Я бы что-нибудь выпила, – сказала Кристина. – Не очень понимаю, Тиль, для чего ты потащил нас в эту обитель Господа, я сто лет не была в церкви, а ночью – вообще никогда. Не скажу, что это сильно впечатляет, хотя на кого-то гулкое темное пространство может действовать самым неожиданным образом.

– Поедем домой, – предложил Манн. – Я вообще-то не принимаю клиентов дома, Кристина любит...

– Не в этом случае, – быстро сказала Кристина. – Конечно, поедем. Будем пить кофе, коньяк, и ты скажешь, наконец, что тебе дала эта церковная мистика.

Антон молчал, не очень понимая, что с ним происходит. Смутные воспоминания касались поверхности сознания и мгновенно погружались в небытие, не будучи осознанными, он понимал, что не нужно стараться вытащить воспоминания, от мысленных усилий они только канут окончательно, и он шел за Манном, будто сомнамбула по карнизу, он не боялся упасть, но страх чего-то, что было для него очень важно, не проходил, даже усиливался. Когда они

сели в машину – Антон с Кристиной сзади, – чувство неподотчетного страха заставило его вцепиться левой рукой в дверную ручку.

* * *

Ехали недолго, Антон не ориентировался в ночном Амстердаме, ему только показалось, что они проехали базарчик, где он вчера купил два пакетика с ягодами – черникой и земляникой, почему-то захотелось, хотя он прежде не испытывал интереса к ягодам. А может, это был другой базарчик – их в Амстердаме десятки. А может – вовсе не базарчик, просто показалось.

Поднялись по широкой лестнице, которая была бы на месте во дворце восемнадцатого века, а здесь выглядела архитектурным излишеством. Кристина вошла первой и сразу пошла на кухню, а Антона Манн ввел в небольшую уютную гостиную, включил не верхний свет, а торшер, стоявший у углового дивана, придвинул овальный журнальный столик, жестом показал Антону: садитесь тут, а сам принялся доставать из серванта маленькие рюмочки, фаянсовые кофейные чашечки с красивым синим рисунком, такие тоненькие, что, казалось, сожмешь в ладони – сломаешь.

– Вы что-нибудь поняли из того, что... – Антон не закончил фразу, Манн сделал жест, призывающий хранить молчание.

Вошла Кристина с кофейником в одной руке и сложенной скатертью в другой. Манн забрал у жены скатерть, умело расстелил на журнальном столике, расставил чашки, достал из серванта початую бутылку «Наполеона», разлил коньяк по рюмочкам, сел на диван рядом с Антоном – Кристина устроилась на пуфике напротив, – и сказал:

– Давайте выпьем, изгоним ночной мрак из наших душ и разберемся.

– Разберемся? – сказал Антон, не сумев скрыть иронии.

– Если вы помните, – продолжал Манн, отпив кофе и поднеся к губам рюмку с коньяком, – я произнес три слова там, в церкви, когда вы описали свое дежа вю.

– Да, – неуверенно произнес Антон. – Что-то вы сказали про луну. И еще...

– Луна, молитва, страх. Вы сказали, что видели луну, но вы не могли ее видеть, вверху цветной непрозрачный витраж, можно только догадаться, что снаружи довольно светло. К тому же, луна недавно взошла.

– Знаете, – медленно произнес Антон, вызывая в памяти заботливо погруженное в нужную ячейку видение, – теперь, пожалуй... раньше не обратил внимание, но вы правильно цепелись к словам. Я действительно видел полную луну над головой, она светила над куполом – странно, да, я знаю, там мозаика. И два других слова – молитва и страх. Мы пришли в эту церковь с Эсти, чтобы она помолилась Мадонне, потому что... Ей было страшно. Мне – нет, но я ощущал ее страх, как собственный. Она очень боялась... чего? Не могу вспомнить.

– И не надо, – быстро сказал Манн и положил ладонь на колено Антона. – Ничего не делайте насильно. Память – очень ненадежный свидетель, а когда на нее давишь, становится еще и непредсказуемой. Эсти... Это та же девушка, что была в церкви, когда, как вы считаете, некто убил художника?

– Да.

– Сцена в церкви... Как по-вашему, она произошла до убийства или после? Не нужно думать, отвечайте первое, что хочется сказать.

– До.

– Задолго, как вам кажется?

– Не помню. Может, за день.

– А теперь попробуйте вызвать в памяти образ Эсти. Не днем. Днем вы ее плохо запомнили. Ночью, когда были вдвоем.

– Я понимаю. Невысокого роста, на голову ниже меня. Волосы светлые, длинные, ниже плеч. Не блондинка, скорее светлая шатенка... Прическа... Небольшая челка треугольничком, если вы понимаете, что... и волосы чуть ниже плеч, очень красиво, будто волна... Глаза... светлые... Голубые? Серые? Нос прямой, может, чуть с горбинкой, но не уверен. Губы... бледные... без помады, мне кажется. Уши закрыты волосами, но, кажется, видны маленькие сережки, зеленые... Одежда... Послушайте, я совсем не могу вспомнить, во что она была одета. Платье? Брюки? Не...

– Может, она по-разному была одета, и потому ваша память... Я имею в виду: ночью и потом днем, когда...

– Может быть. Скорее всего, вы правы. Такое ощущение, будто одежда расплывается...

– Что-нибудь еще... Может, одно воспоминание цепляет и тянет за собой другое? Не нужно специально, но если...

– Нет, – покачал головой Антон.

– Хорошо, – сказал Манн, помолчав. – Потом, не сейчас. Подумайте над противоречием – вы сказали, что не знакомы с этой девушкой. Но знаете ее имя, помните лицо.

– Я...

– Не сейчас, хорошо? Хватит об этом. Давайте пить кофе, и Криста расскажет нам о сегодняшнем вернисаже. Тебе понравилось, Криста?

Кристина, похоже, была под впечатлением от рассказа Антона, она медленно приходила в себя, ей совсем не хотелось рассказывать о вернисаже, но она понимала желание мужа отвлечь внимание гостя.

Они пили кофе, коньяк Антон пить не стал, он не любил ощущение, возникавшее, когда в горле начинало гореть, а в желудке разливался жар. Неприятно, что за удовольствие получают другие от крепких напитков? Манн отметил, что гость отодвинул рюмку, настаивать не стал и больше ему не наливал. Разговор зашел о последних веяниях в примитивизме, Кристина вспомнила, как месяца два назад Ван Барстен едва не подрался на выставке с Кирпом, тележурналистом с первого канала, причина была пустяковая, но Якоб вышел из себя и назвал Кирпа... как же он его назвал?... Они бросились друг на друга с кулаками, их не сразу разняли.

– Вот как? – удивился Манн. – А я слышал, что Ван Барстен – человек флегматичный, да и на меня произвел такое же впечатление. Правда, я и видел его раза два.

Антон закрыл глаза. Слова производили на него сейчас странное впечатление. Он слышал их, и, если бы его спросили, смог бы воспроизвести все, что говорила Кристина, но смысл сказанного воспринимал в неопределенности чуждого пространства-времени, даже не как фильм, на который можно смотреть отстраненно, не вникая и не сочувствуя, но как небрежность декоратора, нарисовавшего в пьесе об убийстве в запертой комнате задник с изображением далекой спиральной галактики.

Кристина сказала, что Ван Барстен лишь иногда флегматичен, но были случаи, когда он вел себя, будто типичный холерик, а Манн ответил, что такой тип характера свойствен скорее актерам, а не художникам, а Кристина возразила, что...

– Вы устали, – очнувшись, Антон увидел склонившегося над ним Манна. – Я отвезу вас в отель.

Антон встряхнулся, будто утка, сбрасывающая капли влаги.

– Был бы вам благодарен... Ужасно хочется спать.

Ужасно хотелось спать, но Антон чувствовал, что не заснет, будет ворочаться с боку на бок, вспоминать каждую минуту этого долгого дня и воссоздавать в памяти каждое мгновение, проведенное в церкви святого Юлиана – сегодня и тогда...

– Криста, – сказал Манн, – я вернусь через полчаса.

– Хорошо, – отозвалась Кристина и кивнула Антону, будто не прощалась, а всего лишь собиралась выйти на кухню и сразу вернуться.

В машине было холодно, а, может, – скорее всего, – Антона знобило от впечатлений, и он не стал просить, чтобы Манн включил обогреватель. Зуб на зуб не попадал, и, отвечая на вопросы, Антон ограничивался отдельными словами, не пытаясь складывать их в предложения.

– Имя, – сказал Манн. – Вы услышали имя в голове, будто кто-то его произнес?

– Доска.

– Что? Будто написано на доске?

– Да.

– Интересно, – оживился Манн. – Со мной тоже такое бывает. Хочешь вспомнить, закрываешь глаза и видишь перед собой что-то вроде мраморной стены, и на ней четкая надпись, как на постаменте памятника. Правда, – добавил он после недолгого молчания, – надпись чаще всего не имеет отношения к реальности.

– Имеет, – сказал Антон.

– Вы так думаете? Только один раз я вспомнил то, что хотел. На доске, говорите? На каком языке?

– Не знаю, – смущенно пробормотал Антон.

– Русский, наверно? Вы по-русски думаете обычно?

– Да, – сказал Антон, помедлив. Иногда он думал на иврите. Но на каком языке было написано имя Эсти, он не знал. Это были знаки, и он их понял. Говорить об этом Манну не хотелось. Какая, в сущности, разница?

Еще несколько минут ехали в молчании, куда-то сворачивали, дважды пересекали канал по узким мостикам, Антон давно перестал воспринимать окружающее пространство, как единую связность, видел мир не в движении, а отдельными кадрами. Будто вселенная Барбура, – подумал он и хотел произнести вслух, но понял, что не сможет связать нужные слова, а Манн не поймет смысла фразы, даже если выговорить ее целиком.

– Здесь, – сказал он, узнав неожиданно улицу, в которую они въехали.

– Конечно, – согласился Манн, остановив машину у входа в отель. Над дверью темного дерева горел старинный фонарь, освещавший название, написанное будто огромной перьевой ручкой с нажимом – аккуратным женским почерком: «Зеленый сойлент».

Антон взялся за ручку, чтобы открыть дверцу, и в этот момент Манн спросил, вскользь, будто вопрос не казался ему важным, можете не отвечать, ничего страшного:

– Ваши дежа вю... Вы начали рассказывать о своих предположениях. Вы вспоминаете себя в других мирах, я верно понял?

Дверца так и осталась полуоткрытой, одной ногой Антон был уже на тротуаре, другая застыла в неудобной позе.

– Да, – сказал он. – Я говорил о космологии. Занялся ею в колледже. Есть такая теория... Множественная инфляция вселенных.

– Инфляция? – не удержался от восклицания Манн.

– Не то, что вы думаете...

Манн промолчал, давая понять, что ни о чем не думает, и слово произнес зря. Молчу, больше не прерываю вас, говорите...

– Каждое мгновение рождается множество таких же миров, как наш. Проходящих такой же путь эволюции. Отличающихся от нашего какой-нибудь незначущей... или наоборот, принципиально значимой деталью. И то, что мы здесь называем дежа вю... Это память, да. Наша. Оказавшись в месте, где мы, вроде бы, никогда не были, вспоминаем, что да, были, конечно. И видели этот алтарь, эту луну... Но сознание говорит: чепуха, сознание-то знает – не были мы здесь ни разу, значит, показалось. И вы больше не думаете об этом. А я... У меня дежа вю бывали... и бывают... столько раз на дню, что... Я постоянно проваливаюсь в другую жизнь... свою... в тех вселенных, что похожи на нашу, где я такой же, но немного все-таки другой. Как

ни странно, это легко описывается... не уравнениями... уравнениями можно описать только самые простые процессы... квантовые функции, волновые, они вполне...

Манн кашлянул.

– Простите, вам все равно, как это математически... Понимаете, то, что я вдруг вспоминаю... это реально, да. Это правильные воспоминания. Это было со мной. Но не здесь. В другой вселенной, такой же... почти. Эсти. Там я с ней знаком. А здесь – нет. Но бывает... ведь наши миры так похожи... Дежа вю, как вещий сон наяву.

– Вещий сон наяву, – повторил Манн.

– Со мной это происходит так часто, что я путаюсь... Там я или здесь. Здесь это происходит со мной или в другой вселенной. И бывает... редко, но случается, что мое дежа вю... я действительно оказываюсь в этом месте... действительно вижу... Это приводит меня в шок, я не могу различить... Господи, Манн! Тиль... Если бы вы знали, как это мешает жить! Вы думаете, я не понимаю, что художник убит не здесь, а в другой реальности? Думаете, я не понимаю, что, скорее всего, этот Ван Барстен жив и будет жить? Но вдруг? И я окажусь... Это все равно, как если бы вы догадывались о том, что может быть совершено преступление, только может быть... и не пошли в полицию.

– Вы не пошли в полицию, – заметил Манн.

– Я...

– И правильно, – одобрил Манн. – Спасибо, Антон. То, что вы сказали... Я вам сочувствую, поверьте.

– Я заставил вас зря потратить...

– Не знаю, – сказал Манн. – Ван Барстен – странная личность. Но ведь... Гм... Он не преступник, а жертва, верно?

– Да. – Нога затекла, и Антон выбрался из машины. Он стоял, склонившись над дверцей, Манн опустил стекло, глаза их были теперь на одном уровне, и мысли, казалось, перетекали из зрачков в зрачки, можно было и не произносить слова вслух, Манн и Антон прекрасно понимали друг друга без слов.

– Да, – повторил Антон. – Найти. Эсти. Потом... Того.

– Может, – таким же телеграфным отрывистым стилем заговорил Манн. – Его и нет. Ладно. Я понял. Интересная теория. Подумаю.

Антон почему-то перестал дрожать, хотя, по ощущениям, ночь была довольно холодной, и уши, как ему показалось, даже покраснели.

– Спасибо, – сказал он, протягивая Манну в окно руку. – Как я узнаю, удалось ли вам...

– Я вам позвоню, – Манн пожал Антону руку, задержав ее, пожалуй, дольше, чем нужно, будто ощупывал его ладонь. – И вы звоните сразу, как только с вами случится дежа вю.

– Оно может не иметь отношения... Я ведь не контролирую...

– Все равно, – сказал Манн. – Звоните. Я должен иметь полную информацию. И еще... Прошу вас: не занимайтесь расследованиями самостоятельно. Не ходите в церковь святого Юлиана. Гуляйте. Я бы вам посоветовал посетить выставку, о которой рассказывала Криста.

– Там есть работы Ван Барстена? Тогда я действительно...

– Нет, и я вам не советую искать его картины в галереях. Не напрягайте память. Просто гуляйте. Вы были на ярмарке возле Оперы?

– Боитесь, что я что-то вспомню, а потом забуду?

– Я не знаю, как действует ваша память, и вы тоже толком этого не знаете. Поэтому...

– Хорошо, – сказал Антон.

– До встречи.

* * *

Антон боялся, что не уснет – он всегда засыпал с трудом, когда сильно уставал или нервы были на взводе, как сейчас. Лег, закутался в одеяло, закрыл глаза и приготовился считать слонов, чтобы не думать об Эсти, Ван Барстене и невидимом убийце. Досчитал до шести, открыл глаза и обнаружил, что уже утро. Он давно не спал так крепко – не только без сновидений, но, даже не поняв, что спит.

Побрившись, Антон спустился в холл, где для постояльцев был готов обычный европейский завтрак: чай, кофе, тосты, джемы, соки.

Идти никуда не хотелось, но и сидеть в номере смысла не имело. Вчера у Антона было совсем другое настроение – он с удовольствием бродил по улицам, стоял на берегу Амстеля, выходил к вокзалу, где долго с удивлением разглядывал тысячи велосипедов на огромной стоянке, больше похожей на склад готовой продукции велосипедного завода. Вчера у него было настроение гулять, смотреть, искать... Сегодня – нет, и Антон пытался понять причину – разве Амстердам стал менее привлекательным?

Он заставил себя выйти на улицу. Если пойти направо, выйдешь к каналу Ахтербургваль, а если налево – то к площади Вален и высокому, со звонницей, храму Ваатсекерк, где Антон был еще в первый день: приехав из аэропорта, забросил в номер чемодан и пошел осматривать окрестные улицы. В тот день его ни разу не посетило ощущение дежа вю, чему Антон не удивился – прежде он не бывал в Амстердаме, он и выбрал этот город из желания отдохнуть от бессмысленных узнаваний. В первый день это получилось. Во второй – тоже. А в третий...

Антон спустился к лодочной станции и купил билет на прогулочный катер, который должен был подойти с минуты на минуту. Полный круг по каналам, двухчасовая экскурсия. Антон не любил экскурсии. Голос гида, вещавший о сведениях, которые он мог найти сам в интернете или путеводителе, мешал разглядывать дома, площади, машины, людей. Он никогда не присоединялся к экскурсиям в музеях, бродил по залам, разглядывая картины не потому, что они были известны и описаны в буклетах, а просто потому, что ему приглянулась, скажем, голова девушки, читающей письмо, и только наглядевшись, он подходил ближе и узнавал, что это знаменитая работа самого Вермеера, ах, ах...

Подошел катер, и Антон поднялся по сходням на полупустую палубу, где стояли ряды скамеек, как в дешевом кинотеатре, экран заменяла темная гладь канала, а на месте будки кинооператора находился капитанский мостик. Антон выбрал место ближе к борту, чтобы видеть, как впереди качается вверх-вниз, приближаясь, мост с узким пролетом, куда можно было попасть, по-снайперски направив катер в полукружие, а за мостом возникает вереница стоящих по обеим сторонам канала на приколе корабликов, оформленных, как обычные голландские домики – даже садики можно разглядеть на палубе, что-то там росло зеленое и цветастое, совсем, казалось бы, не приспособленное к жизни на воде.

Один из плавучих домиков Антон узнал сразу. Белое с зеленой широкой полосой посредине, деревянное строение на желтой, будто яичным порошком выкрашенной палубе, четыре широких окна с красивыми ярко-оранжевыми занавесками, плотно задернутыми и скрывающими от постороннего взгляда... что? Антон сначала привстал, чтобы не упустить кораблик из виду, а потом перешел на корму и смотрел, как домик удаляется – почему-то не только в узком пространстве канала, но и в широком, каком-то раскидистом времени. Он не мог описать словами это ощущение, но приблизительно так получалось: будто домик во времени расплывался на несколько себе подобных, и каждый уплывал в собственную временную даль, оставаясь, как ни странно, единым сооружением, скрывшимся, наконец, за очередным мостом и оставившим после себя ощущение потерянности, несбывшихся надежд и еще чего-то тоскливо-нужного, но все равно ушедшего и невозвратимого.

«Запомнить, – думал Антон, – нужно запомнить место. Запомнить, сойти на ближайшей пристани и вернуться. Вернуться и посмотреть на судно с берега – может быть, тогда...»

Что «тогда», Антон не мог себе представить. Не мог он сейчас и вспомнить, при каких обстоятельствах видел домик в первый раз. Возможно, даже бывал внутри – смутно вспоминалась низкая узкая комната, мебель... какая? Комната не была пустой, но что в ней стояло... туман... и не нужно вглядываться, Антон знал, что это бесполезно – или вспоминается сразу, или не вспоминается вовсе. Нужно посмотреть еще раз, войти, если пустят хозяева... Кто? С конкретными людьми дежа вю не ассоциировалось, может, их и не было в реальности – всего лишь помещение, где он бывал, хотя и не мог быть на самом деле за три дня пребывания в Амстердаме.

Ближайшая лодочная станция, где катер сделал остановку, оказалась за поворотом к привокзальной площади – Антон узнал место, он и вчера, и позавчера здесь гулял, вот арка, пройдя которую можно попасть в небольшой дворик, где растут очень красивые цветы, яркие, огромные, а справа – да, вот же он – стоит автофургон с огромной белой надписью на борту: «СССР». Никакого отношения к давно исчезнувшей стране советов машина, конечно, не имела, читать надпись надо было «си-си-си-пи», и расшифровывалась она как-то по-голландски, не понять...

Антон поднялся на набережную и пошел назад, заглядывая через гранитный барьер. Кораблики-дома стояли вплотную друг к другу, нос к корме, корма к носу, они были прочно принаитованы причальными канатами, тихо поднимались и опускались, когда по фарватеру проплывал катер или другое судно, нагонявшее на берег волну. Один, два, три... Антон считал кораблики, чтобы точно запомнить, не сбиться, узнать... Это были знаменитые, описанные в любом путеводителе, гостиницы на воде – при внешней непритязательности они отличались высоким уровнем комфорта, комната (каюта) стоила здесь столько же, сколько номер в четырех- или даже пятизвездочном отеле. Вряд ли Антон когда-нибудь мог накопить столько денег, чтобы снять здесь апартаменты. Видимо, приходил к кому-то в гости... то есть, не приходил, конечно, никогда он тут не был, дежа вю не подсказывало ему ничего более конкретного, за что могла бы уцепиться обычная память или хотя бы фантазия. Скорее всего, он с берега и не узнает, вот уже сколько прошел. Наверно, миновал нужное место, не вспомнив...

Вот.

С набережной домик на катере выглядел совсем иначе, чем со стороны канала. Плоская красная крыша с торчавшей, будто Пизанская башня, декоративной трубой, дощатая палуба, большие иллюминаторы, один из которых был раскрыт, и оттуда медленно проливалась и растекалась по палубе тихая мелодия, которая, испаряясь, поднималась – неплотными облачками – вверх и достигала ушей. Получались какие-то обрывки, не мелодия, а пунктир музыки, но все равно у Антона возникло непреодолимое ощущение узнаваемости. Мелодию невозможно было узнать по этому звуковому пунктиру, но Антон узнал – это была баркарола из «Сказок Гофмана», пунктир сам собой соединялся в его сознании в непрерывную линию, скрипки сшивали ткань музыки прочнее, чем это могла сделать самая прочная нить. В первый раз Антон услышал эту мелодию, когда был в опере – Нора, девушка, с которой он встречался на первом курсе, спросила, не хочет ли он пойти с ней на премьеру, он, конечно, согласился, хотя к опере относился настороженно – впрочем, как и к самой Норе. Общего у них было мало, они больше ссорились, не понимая друг друга, и вскоре расстались без сожаления, но посещение оперы Антону запомнилось.

Спуститься? Удивить постояльцев вопросом о том, когда и при каких обстоятельствах они могли встречаться?

Антон стоял, облокотившись о барьер, ощущение дежа вю исчезло, внизу была просто лодка-гостиница, одна из многих, и музыка больше не звучала, никто не выходил на палубу, никто не спускался с набережной, так можно было простоять весь день... хотя куда торопиться,

можно и постоять, здесь красиво, а день теплый, с канала не тянуло, как вчера, холодным промозглым воздухом.

Можно стоять здесь и ждать звонка от Манна. А если проголодаешься – на углу одно из множества амстердамских кафе, два столика на тротуаре, можно заказать булку с тунцом и помидорами, сидеть и следить...

Следить и думать.

Возможно, здесь живет девушка Эсти, с которой он был ночью в церкви и которая стояла у колонны и видела, как убили художника.

Антон знал, как глупо и бесполезно что бы то ни было предполагать, когда дело касалось дежа вю. Что детектив понял из его путаного объяснения? Он взялся за это дело, но ясно, что не для того, чтобы раскрыть преступление – ему стало интересно, совсем спятил нанявший его израильтянин или только частично впал в умственное расстройство из-за того, что слишком много работал и застудил холодом теорий свой слишком разгоряченный мозг.

Антон отступил от барьера, и кораблик скрылся из виду, перестал существовать, и он не знал теперь, увидит ли гостиницу опять, если вернется на прежнее место у парапета. Ощущение было таким сильным, что, конечно, Антон сделал шаг, посмотрел вниз и, естественно, лодка была на месте, куда ж ей было деться, она, скорее всего, и плавать давно не могла, и мотор с нее, наверно, сняли – в отелях на воде, он слышал, каждый квадратный сантиметр на учете, земля в Амстердаме дорогая, а место на воде еще дороже.

Тогда это и случилось. Сначала Антону показалось, будто он услышал, как лопнула автомобильная крышка – характерный короткий бумкающий звук. Он оглянулся – набережная в обоих направлениях была пуста. Вывернул из-за угла оранжевый, как солнце, нарисованное ребенком, «фольксваген-мини», проехал мимо, и справа тоже проехал автомобиль, марку которого Антон не разобрал. Обе машины были в порядке, и звук лопнувшей крышки...

Выстрел.

Антон был теперь в этом уверен – странно, что он сначала подумал иначе. Сухой щелкающий звук, как удар хлыстом, совсем не похожий на звук лопнувшей крышки.

Стреляли?

Направление, откуда раздался выстрел, Антон не мог определить. Ощущение, будто звук шел отовсюду – лопнуло само пространство, не оставив эха, которое наверняка должно было быть здесь, в окружении высоких домов, где любой звук сначала мечется, путаясь в собственных отражениях, и лишь потом смолкает.

Антон перегнулся через ограждение – он был почему-то уверен, что стреляли на корабле-отеле, хотя там ничего не изменилось, никто не выбежал на палубу с пистолетом в руке, и все иллюминаторы были по-прежнему задраены, кроме того, единственного, из которого недавно пролилась и взлетела музыка.

Как поступают нормальные мужчины, услышав выстрел и подозревая, что кому-то грозит опасность, а кому-то, возможно, опасность уже не грозит, потому что все, что могло случиться, уже случилось, и нужно только быстро спуститься на палубу, вбежать в каюту и застать...

Было ли это на самом деле или Антону показалось, что он слышит, как кто-то тихо напевает мелодию? Непонятно было даже, кто поет – мужчина или женщина. Антон спустился к воде и ступил на деревянные сходни, соединявшие берег с плавучим отелем, откуда по-прежнему слышались звуки то ли песни, то ли арии – неопределенные, они, в принципе, могли даже быть звуками разговора, напевного южного диалекта.

Дверь, которая вела во внутренние помещения, как он теперь увидел, была не заперта и даже чуточку приоткрыта, самую малость, Антон видел узкую щель, темную нить на белом фоне. Скорее всего, войдя, он обнаружит нечто вроде холла и, может, там окажется стойка, за которой сидит портье, должен же здесь быть портье, как в любом отеле, или плавающий домик сдают целой семьей, и никого лишнего на борту нет?

Антон потянул на себя тяжелую металлическую дверь, и она бесшумно открылась, обнажив не холл, как он ожидал, а узкий коридор с иллюминатором в противоположном конце и двумя обычными дверьми справа и слева. Если кто-то и напевал в одной из кают, то сейчас смолк, тишину нарушали только редкие всплески воды и отдаленные звуки мотора.

Антон стоял в дверях, не решаясь войти, но и уйти не решался тоже. Он ждал появления привычного ощущения дежа вю – если он уже видел эту лодку-отель когда-то в своей жизни, то почти наверняка мог видеть и этот коридор, и...

Нет. Он никогда здесь не был. Этот коридор был ему не знаком. Иллюминатор напротив ничего ему не напоминал.

Что он скажет, если откроется дверь и появится кто-нибудь из постояльцев? «Простите, я вошел случайно»? Или, того хуже: «Это не здесь ли стреляли минуту назад?»

Антон отступил на палубу, ему хотелось скорее уйти, пока никто его не увидел (увидеть могли и с набережной, но об этом он подумал после того, как поднялся, едва не подвернув ногу, по каменным ступеням на улицу, которая за те две-три минуты, что он был внизу, заполнилась машинами, будто садок рыбами).

Антон перешел дорогу и опустился на стул с металлической резной спинкой, стоявший у одного из столиков углового кафе. Сейчас подойдет официант, нужно что-то заказать или уходить, а у него не двигались ноги.

Дежа вю. Он узнал это место, и звук выстрела был с этим местом связан, он слышал его, но не сейчас. Он не услышал его, а вспомнил. Это было... когда-то. Недавно. И тогда на лодке, может быть... Скорее всего...

Убили человека?

Стреляли. Может, не попали. А может, вовсе не в человека стреляли, а, скажем, в мишень на двери. Или в иллюминатор – тот, что был открыт. Нет, пожалуй... Поняв его происхождение, Антон точно вспомнил, какой это был звук – не приглушенный, будто доносился из закрытого помещения, и не гулкий, с эхом, отраженный от стоявших вокруг домов. Короткий резкий хлопок.

Какое отношение звук выстрела и эта лодка-отель, и эта набережная имеют к девушке по имени Эсти и к художнику, которого убили в церкви... если вообще между этими событиями, возможно, вообще нигде и никогда не происходившими, существует какая-то связь?

– Месье? – мелодичный женский голос выпростал Антона из-под груды навалившихся на него мыслей.

– Можно черный кофе? – спросил он неуверенно.

– Конечно, – улыбнулась официантка. – С сахаром, сахарином или...

– Ложечку сахара, пожалуйста, – сказал он уже более уверенно и добавил: – И бутерброд с тунцом.

Дома, в Израиле, он не очень любил рыбу, а здесь, попробовав в первый день бутерброд уличного торговца, продававшего вразнос хотдоги, проникся неожиданным удивительно нежным и пикантным вкусом, и третьи уже сутки питался преимущественно незамысловатыми бутербродами с тунцом.

– Спасибо, – сказал он, когда девушка принесла заказ и только, когда она отошла от столика, понял, что поблагодарил ее на иврите.

Странно, он никогда прежде... Обычно, волнуясь или забываясь, он переходил на русский.

Затренькал лежавший в сумке мобильник, и Антон решил, что звонит мама – она обычно звонила в это время, справлялась, как он, что видел, где был, не простудился ли. Она смотрела погоду в интернете, в Амстердаме довольно прохладно и ветрено, не забудь надевать куртку... Погода в интернете почему-то все три дня не имела ничего общего с реальной, но говорить об

этом по телефону Антону не хотелось, и он только поддакивал и спрашивал: «А как вы там? Дома все в порядке?»

Номер был не израильским.

– Антон, – произнес голос Манна, – у вас все в порядке?

– Да. То есть, нет. Я узнал дом. И слышал выстрел.

Несколько секунд Манн молчал, потом спросил осторожно:

– Вы слышали выстрел, или вы вспомнили выстрел?

– Вспомнил.

– Где вы сейчас?

– В кафе... – Антон поднял голову, чтобы прочесть название, на которое сначала не обратил внимания. – «Россильон», это на...

– Знаю, – перебил Манн. – Доедайте, что вы там едите, и идите по Бетаниерстраат, кафе как раз на углу, пройдете квартал, выйдете на остановку трамвая, дождитесь восьмого номера, который идет к зоопарку, проезжайте пять остановок, на шестой выходите, я буду вас ждать.

– Вам удалось что-то узнать?

– Я вас жду через сорок минут, раньше вам не успеть.

Антон заплатил по счету и, уже поднявшись, неожиданно сказал:

– Вы, наверно, знаете тех, кто живет в домиках на воде. В том, например, чья красная крыша... видите?

Девушка проследила за его взглядом.

– Это отель мамы Кузе, – улыбнулась она, радуясь, что может ответить клиенту на простой вопрос. – Он так и называется: «Дом мамы Кузе». Название написано на борту, и его можно прочитать, если смотреть со стороны канала или с противоположного берега.

– Там сейчас живет кто-нибудь?

– Там всегда кто-нибудь живет. Даже зимой, когда на канале холодно. Если вы хотите снять комнату, нужно сделать заказ месяцев за семь-восемь, у мамы Кузе длинные очереди...

* * *

Манн поджидал Антона, сидя на металлической скамье под навесом.

– Вы уже были в доме-музее Рембрандта? – спросил детектив. – Это близко, минута ходьбы.

– Собирался. Я знаю, где это, смотрел на карте. Отсюда налево?

– Хорошо, что вы там не были. Может, узнаете место?

– Должен? И почему музей Рембрандта?

– Должны или нет – не знаю, – пожал плечами Манн. – Как я могу прогнозировать то, что вы сами не можете предвидеть? Почему музей Рембрандта? Увидите. Я не пытаюсь вас интриговать, сам не люблю дешевых эффектов. Но в данном случае важна неожиданность восприятия, если я правильно понимаю. Так что потерпите пару минут. Пока будем идти, расскажите о сегодняшних дежа вю.

Антон рассказал, но, похоже, не произвел на Манна ожидаемого впечатления. Детектив, казалось, не слушал, смотрел по сторонам, с кем-то здоровался, почему-то попросил повторить, будто не расслышал, совсем не важный эпизод – куда именно смотрел Антон, когда услышал выстрел.

– Сюда, – Манн ухватил Антона за локоть и направил не в большую парадную, бордового цвета, внушительную, с металлическим звонком в форме головы льва, дверь, а рядом, где оказались ступеньки, которые вели вниз, в подвальное помещение. Дверь там оказалась низкая, на стук открыл старик, похожий на Квазимодо, такой же сгорбленный и печальный.

Он цепким взглядом осмотрел Антона с ног до головы, кивнул Манну что-то вроде «Под вашу ответственность» и исчез, отступив в темноту.

Изнутри на Антона смотрела не темнота, хотя и темнота, конечно, тоже, но главное – тишина. Почему-то тишину, а не темноту, Антон ощутил всем своим существом. Манн скрылся в тишине, не сказав хотя бы: «Идите за мной». Антон потоптался на месте, хотел было повернуться и уйти, но зачем-то же он пришел сюда с детективом, зачем-то ему нужно было преодолеть себя и войти в тишину.

Он вошел.

Это было что-то вроде склада или музейных запасников. Темно здесь не было на самом деле – свет пробивался в узкие оконца под потолком, над дверью, что вела в глубину здания, горела лампочка в светло-желтом плафоне. Тишины на самом деле не было тоже – справа от внутренней двери стояли огромные напольные старинные маятниковые часы, маятник мерно раскачивался, отщелкивая секунды, но щелчки не столько нарушали тишину, сколько подчеркивали пунктиром ее значимость.

Антон готов был к тому, что сейчас ему покажется, будто он здесь уже бывал, но ничего такого не случилось, не был он в этом подвале ни разу, никогда не видел ни старинного секретера с резными панелями, ни стола, вроде бы тоже старинного, но, в отличие от секретера, оставлявшего впечатление старой рухляди, которую жалели выбросить. Еще в комнате были штабеля то ли досок, то ли больших деревянных плоских столешниц, сваленных одна на другую, и еще десятка два стояли тесно друг к другу у правой стены. Антон не сразу догадался – это были картины в рамах, они лежали, стояли, а две висели в простенках между окошками на улицу. Антон подумал, что здесь можно увидеть творения если не самого Рембрандта, то кого-нибудь из его современников, но на картинах оказалась современная мазня – впрочем, мазня могла быть и столетней давности, тогда тоже любили все кубическое и не имевшее отношения к жизни.

Манн стоял посреди комнаты, положив руку на штабель лежавших друг на друге картин, и молча разглядывал Антона – видимо, ожидал от него определенной реакции, но что мог сделать Антон, кроме как пожать в недоумении плечами и посмотреть на детектива долгим ответным непонимающим взглядом?

Зачем его привели сюда?

И тогда он увидел. Картина стояла на полу справа, под высоким окошком, рамка из темного дерева почти сливалась со стеной, потому Антон и не разглядел сразу. В глаза картина не бросалась, она была скромной и будто старалась спрятаться от постороннего взгляда. Что там было изображено, Антон не сразу разглядел, подошел ближе, наклонился...

Ощущение дежа вю нахлынуло с такой стремительной и неодолимой силой, что Антон почувствовал удар в спину и упал бы головой вперед, если бы не ухватился за штабель. Так и стоял, согнувшись.

На картине была изображена девушка, которую он знал, но никогда прежде не видел. Это двойное ощущение – узнавания и неузнавания одновременно – само по себе было отчетливо узнаваемым, и Антон по давней привычке уцепился за это ощущение, стремясь именно его закрепить в памяти, потому что только ощущением ощущения мог потом вызвать то ясное понимание, которое возникло сейчас, продержалось секунду и исчезло, но все-таки осталось тоже, вплавленное в его память.

Манн подставил Антону стул. Почувствовав, что может расслабиться, Антон опустился на сиденье, отчего представление в памяти закрепилось окончательно, и сказал:

– Эсти.

– Эсти, – повторил Манн и принес себе стул, стоявший у стены под окошком. Сел рядом с Антоном, положил ногу на ногу, ни слова больше не произнес, так они и сидели, разглядывая женский портрет, который, казалось, все больше оживал под их сосредоточенными взглядами.

Ожили глаза – теперь они не просто смотрели, они хотели что-то сказать, Антон даже начало казаться, будто он понимает – что именно, только перевести понимание в слова он не мог. Ожили руки – Антон видел, как на кончиках пальцев проявились следы краски – не той, что нанес художник, когда рисовал картину, а той, что запачкала руки девушки, когда та прикасалась к кисти, возможно, держала ее в руке. На локте Антон разглядел небольшой шрамик, почти совсем незаметный, будто от укуса крупного насекомого: сначала была ранка, которую девушка нервно расчесывала, и осталась отметина – у Антона была такая, очень похожая, на ноге, с задней стороны колена, в детстве его укусило насекомое, которое он даже не видел – почувствовал боль не сразу, а потом несколько дней расчесывал ногу до крови, он даже ходить не мог, и осталась отметина в виде короткого шрама, такого же, как у девушки.

– Кто? – спросил Антон, и Манн понял, что вопрос относился не к той, кто была на картине изображена (имя уже было названо), а к имени художника.

– Ван Барстен.

– Вот как, – пробормотал Антон. Он не мог оторваться от взгляда девушки. Когда он хотел внимательнее рассмотреть плечи, нежную кожу в вырезе блузки, какая-то сила, подобная центростремительной, возвращала его обратно, и он всматривался в глаза девушки, понимая, что она говорит сейчас с ним, рассказывает о себе, ей-то наверняка была известна тайна, которую они с Манном пытались сейчас открыть, и скрывать ничего она не хотела, вот же, смотри – смотри, а не слушай, ты хочешь услышать, а нужно видеть...

– А эта девушка, – сказал Антон. – Вы узнали, кто она? Эсти?

– Нет, – с сожалением произнес Манн. – То есть, да, узнал. Но ее зовут не Эсти. Анна Риттер, живет она сейчас в Гааге, а год примерно назад жила в Амстердаме, работала в магазине одежды, пыталась поступить в консерваторию, но не сумела сдать экзамен.

– Консерватория, – ухватился за слово Антон. – Она играет на фортепьяно?

– Она, – пожал плечами Манн, – считает, что у нее голос. Но, видимо, это не так. Поступала на вокальный факультет. Так ли важны детали, если это другая девушка? Вы сказали, ту девушку зовут Эсти.

– Да, – подтвердил Антон. – Но это... ее портрет.

– Это Анна Риттер, и нашел я ее потому, что одно время, очень недолгое, она была натурщицей.

– У Ван Барстена?

– Нет, не у Ван Барстена. У Тима Вермейена. Может, и у Ван Барстена, об этом я ничего не знаю. А у Вермейена точно.

– Но эта картина...

– Рисовал Ван Барстен, да. Но это копия с полотна Вермейена.

– А оригинал? Где...

– Это, – торжественно провозгласил Манн, – никому не известно. Вы можете дослушать меня, не прерывая?

– Конечно.

– Так вот. Анну Риттер Вермейен нарисовал чуть больше года назад, она как раз провалилась в консерватории, стала работать в магазине готового платья на Дамраке, там ее Вермейен и углядел, девушка ему понравилась, и он попросил ее позировать для портрета. Картину Вермейен нарисовал, она выставлялась в галерее Ванцо, и ее купили.

– Кто?

– Могу узнать, если вы считаете, что это важно.

– Ну как же!

– Получить покупку новый хозяин не успел – в ту же ночь картину из галереи украли. Очень аккуратно, кстати – сигнализация не сработала. Полиция этим делом занималась, но без успеха. Скорее всего, полотно успели вывезти из страны. Я справлялся у майора Готфрида, он

занимался этим делом. Картина не всплыла ни на одном аукционе, ни на одном вернисаже. Исчезла напрочь.

– Когда же Ван Барстен успел...

– В том еще одна особенность этой копии. Ван Барстен рисовал по памяти. Уже после того, как оригинал исчез.

– По памяти? – с недоверием сказал Антон.

– В полиции тоже решили, что это подозрительно. Память у Ван Барстена фотографическая – это известно. Но не настолько же! Готфрид заподозрил, что Ван Барстен имел какое-то отношение к похищению и снял копию уже после того, как картину украли. Это не подтвердилось. В студии Ван Барстена произвели обыск – конечно, не нашли и следов похищенной картины. И копия, как уверял сам Вермейен, плохая – Ван Барстен неправильно написал фон.

Фоном на картине был тяжелый пурпурный занавес, скорее всего бархат, парча или иной материал, висевший на стене подобно ковру. Антон подумал, что художник должен был выбрать что-то легкое, под стать девушке – небо с облаками или светло-зеленую стену.

– Тяжелый ковер, некрасиво, – пробормотал Антон.

– На оригинальной картине Вермейена Анна изображена была на фоне колонн, уходящих вдаль. За ее головой, где складка бархата, была изображена мозаика...

– Церковь? – поразился Антон.

– Вермейен не рисовал в церкви, – покачал головой Манн. – Просто колонны. Просто мозаика. Неизвестно, где он рисовал фон.

– Но можно спросить! У Вермейена, у Анны, у Ван Барстена, наконец!

Антон не мог усидеть на месте.

– Конечно, – кивнул Манн. – Если знать, что спрашивать. Если знать, почему спрашивать.

– По-моему, вы...

– Дорогой Антон, – проникновенно произнес детектив, – если вопросы начну задавать я, это будет выглядеть странно, и у людей возникнут подозрения. Криста сегодня, может быть, увидит Якоба на вернисаже, в музее Ван Гога открывается выставка инсталляций, видеть не могу эти поставленные в ряд холодильники с пылесосами, у меня от них аппетит портится, а Криста... ей ничего.

– Когда... Я хочу сказать, госпожа Манн вернется домой?

– Боюсь, – улыбнулся Манн, – Криста домой не вернется.

Антон ошеломленно посмотрел на детектива. Вопрос, мгновенно возникший в мыслях, задавать, конечно, было неприлично и неосторожно.

– Сразу после вернисажа, – объяснил Манн, – Криста поедет в редакцию, номер выходит завтра, материал не написан, там еще фотографии, так что работа будет и у фоторепортера.

– Я думал, – с ноткой удивления в голосе сказал Антон, – сейчас журналисту нет надобности работать в редакции, можно из дома...

– Можно, – согласился Манн, – теоретически. Я сначала тоже так думал, а Криста поднимала меня на смех и говорила, что я ничего не понимаю в журналистике. Видите ли, в редакции атмосфера... Коллеги, с которыми можно все обсудить, поспорить, самой для себя уяснить некоторые моменты, и фотограф тут же работает на фотошопе, с ним тоже можно поругаться, потому что лучше снимок притемнить, а он высветляет. В общем, деловая и творческая атмосфера, чего, понятно, нет дома. Сначала мне это казалось странным, но как-то я побывал в редакции в ночь выпуска, и, скажу вам, это действительно ни с чем не сравнимое ощущение. Что-то вроде интеллектуального оргазма. А как они там ругаются! Обсуждают строку в репортаже, два неточных слова, а употребляют по этому поводу такое количество не вполне, я бы сказал, цензурных выражений...

– В общем, – заключил Манн, – я теперь понимаю, откуда в этом журнале такой драйв. Криста будет дома, когда номер уйдет в типографию, и сразу завалится спать, так что поговорить с ней получится не раньше завтрашнего полудня.

Увидев разочарованное выражение лица Антона, Манн добавил:

– Но если Криста сумеет что-то важное выяснить, она позвонит сама. Правда, важное с ее точки зрения, может оказаться для нас совершенно бесполезным. И наоборот.

Антон поднялся и подошел ближе к картине. Ощущение дежа вю исчезло, он понимал, что новых воспоминаний картина не вызовет, ему хотелось рассмотреть работу внимательнее. Девушка стояла в напряженной позе, одной рукой касаясь зеленого пояса на платье, а другую протянув вперед, будто хотела взять что-то невидимое зрителю.

Манн тронул Антона за плечо.

– Пойдемте, – сказал он, – иначе нас отсюда попросят.

* * *

На улице, оказывается, собирался дождь – откуда-то успели притащиться тяжелые мрачные тучи, теснившие одна другую, и первые капли упали, асфальт еще не был мокрым, но влага, растворенная в воздухе, сделала его темным и ожидающим.

– Теперь, – сказал Манн, сев за руль и подождав, пока Антон пристегнется, – повторите ваш рассказ. Домик на воде. Выстрел.

Антону хотелось, чтобы они поехали к каналу и Манн сам посмотрел на домик мамы Кузе, но у детектива были свои планы – когда зажегся зеленый, он повернул налево, переехал через мост и сосредоточенно повел машину по улицам, которые Антон узнавал, понимая, что и это тоже дежа вю, но у него не было времени сосредоточиваться, да и не нужно, было, скорее всего. Ничто в его памяти не всплывало, кроме простого момента узнавания – был здесь, проезжал или проходил...

– Куда мы едем? – спросил Антон.

– Потом, – нетерпеливо сказал Манн. – Рассказывайте.

– Вон как, – сказал он, выслушав внимательно, не проронив ни слова, но ни разу так и не повернув головы к Антону. – Мамаша Кузе не так проста. Девушка в кафе, видимо, работает недавно, иначе рассказала бы вам. У мамы Кузе была дочь. Мужа не было, насколько мне известно, а дочь была. Тогда ее... фрекен Кузе, я имею в виду... еще не называли мамашей, а звали ее... вылетело из головы... В восьмидесятых у нее были два дома, которые она сдавала постояльцам.

– Меблированные комнаты, – пробормотал Антон.

– Два больших дома, в одном пять этажей, в другой восемь. Достались по наследству от отца. Сама мамаша... как же ее звали... да, вспомнил: Сандра. Сама Сандра жила на шестом этаже в большом доме, зарабатывала неплохо, хотя, полагаю, и нервов ей это стоило изрядно. Жильцы, они ж такие, один платит вовремя, другой через раз, третий вообще не платит, а человека не выселишь без судебной процедуры... Характер у Сандры портился, а тут она забеременела от кого-то из своих любовников.

– Откуда вы все так подробно знаете? – не удержался от вопроса Антон.

– Родилась девочка, – продолжал Манн, не отвечая Антону, – и в день совершеннолетия покончила с собой – выбросилась из окна.

– Господи... – пробормотал Антон.

– Никто не понял – почему. Это было семь лет назад, я еще работал в полиции и хорошо помню дело. Это ответ на ваш вопрос: почему я так подробно все знаю. Выезжал на место с майором Лонгером, тогда, правда, он был еще младшим инспектором. Дело было ночью, в квартире гуляла молодежь, праздновали день рождения Эсти...

– Как? – воскликнул Антон.

– Эсти, да, – смущенно сказал Манн. – Совпадение. Та Эсти погибла семь лет назад.

– Я понимаю, – отрешенно произнес Антон. – Совпадение, конечно.

– Естественно, Лонгер предположил, что девушку выбросили из окна. Опросили гостей и соседей, Сандра была у подруги, гости ничего сообщить не смогли: пили, танцевали, в какой-то момент Эсти раскрыла окно, спокойно – это все говорили: «спокойно, будто хотела сесть» – поднесла к окну стул, встала на него, со стула на подоконник и – вниз. Молча, ни на кого не посмотрев.

Машина выехала из переплетения центральных улиц на широкую магистраль, вдоль которой стояли современные коробки этажей по десять-двенадцать, безликие, как маски. Дождь так и не начался, покапал немного и перестал.

– Лонгер – профессионал, – говорил, между тем, Манн, он снизил скорость, пропуская грузовики и трейлеры. – Он определил, что виноватых не было: молодежь в шоке, никто ничего не понял, все было, как обычно на любой вечеринке. Мы прошли в комнату Эсти. Рядом с компьютером на столике лежала папка с бумагами, отдельные листы, исписанные аккуратным почерком, не второпях. Что-то вроде дневника. Только это оказался не дневник, хотя записи аккуратно располагались по датам. Начиналось с девяносто шестого – Эсти было тогда восемь лет. Вот что она писала: «Я не хочу в этом теле. Я ненавижу свое тело. Это не мое тело. Я не хочу быть здесь»... И так страница за страницей, год за годом. Короткие строчки, четкий почерк. Потом: «Я уйду отсюда. Мне здесь делать нечего». Последняя запись была датирована тем днем, когда это случилось. «Сегодня я уйду. Сил больше нет терпеть». И все. Ниже лежали два чистых листа.

– Вы хорошо помните...

– Такое не забудешь. Вопрос был: почему раньше не распознали болезнь. Об этом Лонгер спрашивал и мамашу Кузе, и врачей. Оказалось, что мать все знала о желании дочери, но, странная вещь... Эсти писала свои отчаянные призывы, но вела себя, как адекватный ребенок. Проблем с ней у Сандры не было, они замечательно друг друга понимали, никогда не ссорились. Веселая нормальная девочка, подруги, потом и друзья. Сандра обнаружила дневник, когда Эсти было лет тринадцать, и, конечно, повела дочь к психиатру. Не к одному – к трем, и хорошим, благо деньги у нее были. Все три врача долго с девочкой говорили и пришли к выводу: здорова. Развели руками и отпустили с миром. А она продолжала писать дневник, только теперь прятала, а в день, когда решила уйти, достала и положила на видном месте.

– В день рождения, – сказал Антон, обдумывая мысль, которую сам не вполне осознавал.

– Вот! Дождалась совершеннолетия, и ровно в полночь... Будто хотела сказать: я теперь сама отвечаю за свои поступки и делаю, наконец, то, что давно собиралась.

– Господи...

– Тогда, насколько я помню, Сандру Кузе и начали называть мамашей. Оба дома она продала, в ту квартиру больше не зашла, вскоре купила плавучий домик, переоборудовала... Она и живет там, насколько я знаю, в кормовой каюте.

– Такая история с мамашей Кузе, – сказал Манн после довольно долгого молчания. Они ехали по магистральному шоссе в сторону Гааги – Антон увидел указатель «Гаага, 19 км».

– Я больше не принимал участия в расследовании, – продолжал Манн, – а Лонгер еще пару раз беседовал с мамашей Кузе. У них была игра – у матери с дочерью. Эсти изображала инопланетянку, а мать объясняла, как все на Земле устроено. Они так играли, когда Эсти было пять-семь лет. Дети любят задавать вопросы, вот Эсти и выбрала такой способ. А когда Эсти не стало, мамаша Кузе сама немного сдвинулась и уверила себя, что в теле дочери на самом деле жила душа инопланетной сущности, которой было не по себе в чужом мире, она рвалась домой...

– Инопланетянка?

– Никто не воспринял мамашу Кузе всерьез. Не знаю, показывалась ли она психиатрам. Больше я этим делом не занимался. Но ваш рассказ...

– Вы думаете, Эсти...

– Я ничего пока не думаю, Антон. И вам не советую делать выводы. Кстати...

– Что? – спросил Антон минуту спустя, потому что Манн неожиданно замолчал и, увеличив скорость, принялся обгонять грузовики и трейлеры, которые он недавно пропустил вперед.

– Простите? – переспросил детектив рассеянно.

– Вы сказали «кстати».

– А... Майор заподозрил, что девушка принимала наркотики. Симптоматика вполне этому соответствовала... Но никаких следов наркотиков в организме Эсти не обнаружили. В квартире тоже. Майор пытался проследить связи Эсти с мелкими торговцами... ничего.

– А что вы скажете Анне? – спросил Антон минут через пять, когда они проехали указатель «Гаага, 10 км».

Манн покосился на Антона.

– Вы решили, что мы едем к Анне Риттер? – спросил он. – Нет, с ней я предпочел бы сначала поговорить сам... пока, правда, не вижу смысла.

– Так куда же... – растерялся Антон.

– Имейте терпение. Кстати, едем мы не в Гаагу.

Они действительно свернули направо на ближайшем повороте, Антон не успел разглядеть, что было написано на указателе. Дорога стала двухрядной, и машин почти не было. Они ехали мимо маленьких ферм, аккуратных полей, засеянных чем-то зеленым с высокими стеблями.

Антон глядел по сторонам и, вместо того, чтобы успокоиться, все больше нервничал, хотя и не мог сам себе объяснить причину. Манн снял правую руку с руля и похлопал Антона по колену.

– Все в порядке, – сказал он. – Хочу вам кое-что показать.

Впереди появились первые домики деревни, а может, небольшого городка – отличить голландский городок от голландской деревни Антон не мог; скорее всего, таких отличий не существовало. Красные черепичные крыши, магазины, спутниковые антенны, площадь...

Сердце Антона потеряло опору и попыталось упасть, ритм сбился. Манн остановил машину перед местной церковью, заглушил двигатель и только после этого повернулся к Антону. Церковь была точной копией амстердамского храма святого Юлиана. Такие же старые красные кирпичи, точно такой же портал, закрытая дверь с ручкой в виде бронзовой львиной головы, башенка со шпилем, колокольня – будто амстердамскую церковь кто-то поднял вместе с участком земли и перенес за тридцать километров, в небольшой городишко с названием Остербрюк.

Нетрудно было понять, чего добивался Манн, затеяв неожиданное путешествие, и почему не хотел говорить о цели. Антон внимательно прислушивался к собственным ощущениям, хотя и знал, что смысла не было: дежа вю или появлялось, или нет, сейчас его не было, хотя вроде и церковь была такой же, и даже небольшой садик с одиноким деревом и скамьей.

Антон вышел из машины, подошел к скамье и сел, не спуская взгляда со знакомых контуров. Манн опустил рядом, сложил руки на груди, ждал.

– Ничего, – сказал Антон. – Я никогда раньше не видел эту церковь. Зря мы сюда ехали.

– Что ж, тогда отдохнем немного, – Манн вытянул ноги и закрыл глаза.

В садике было тихо, тихо было на площади, и улицы тоже были тихими, Антон не слышал ни шума автомобильных моторов, ни голосов. Странное ощущение, будто смотришь фильм Бергмана «Земляничная поляна».

Нет, вот из-за угла появились двое мужчин, прошли, тихо переговариваясь, и машина – фургон с непонятной надписью на голландском – проехала, не торопясь. Обычный городок, обычный день...

– Мы кого-то ждем? – догадался Антон.

– Уже дождались. – Манн кивнул в сторону появившегося в скверике мужчины в темном костюме и старомодной шляпе. Мужчине на вид было далеко за семьдесят, и шляпа выглядела так, будто он не снимал ее с молодых лет, когда принял этот приход. Местный пастор?

Манн поднялся навстречу старику, и Антон тоже встал, пожал протянутую ему руку и в рассеянности не запомнил имя, названное тихим приятным, притягивающим баритоном.

Пастор пошел вперед, в руке его появился ключ – Антон ожидал увидеть что-нибудь старинное, с нарезкой и большим кружком, но ключ оказался современным, маленьким, таким же, каким Антон запирает в Ариэле свою квартиру.

Пастор о чем-то заговорил с Манном по-голландски, детектив несколько раз кивнул и один раз отрицательно покачал головой, не произнеся в ответ ни единого слова. Дверь открылась бесшумно, и на Антона глянула знакомая темнота. Он не представлял, как может оказаться знакомой обычная темнота, такая же, как во всех других случаях, когдаходишь со света в темное помещение, но ощущение дежа вю настигло его, когда он еще не переступил порог и понятия не имел, что увидит внутри – зал мог оказаться совсем не похожим на тот, в амстердамской церкви святого Юлиана.

Пастор вошел первым, Манн сделал приглашающий жест, и Антон ступил в полумрак. Мозаичные окна – высокие и узкие, точно такие же, как в церкви святого Юлиана. Даже замысловатый узор показался Антону таким же, хотя как он мог знать? Света оказалось достаточно, чтобы разглядеть два ряда колонн и ряды уходивших к центральному алтарю скамеек. Пастор уже стоял на возвышении и зажигал одну за другой три высоких свечи в красивом бронзовом канделябре. Антон подумал, что здесь, конечно, есть электрическое освещение, и пастор мог, войдя, нажать на выключатель... Он так бы и сделал, как наверняка делал всегда – видимо, Манн предупредил его, когда договаривался, или сейчас, отвечая на вопросы. Может, пастор спросил, включать ли освещение, а Манн ответил отрицательно, покачав головой?

Выключатель должен быть слева от входа на высоте плеча Антона – штукатурка немного выщерблена, и получилось углубление; удобно упираться большим пальцем, когда указательным нажимаешь на кнопочку, чтобы включить свет. А рядом на стене кто-то, наверно, хотел повесить указатель, табличку, но то ли решил не вешать, то ли повесил и снял – остались два замазанных отверстия от вытасненных шурупов.

Антон вернулся к двери, чтобы проверить ощущения. Манн повернулся к нему, хотел что-то сказать, но промолчал. Пастор зажег свечи, отчего алтарь озарился теплым волнующим светом. Священник перешел к другому концу стола, там тоже стоял большой подсвечник, а Манн подошел ближе к Антону, с удовлетворением нащупавшему и выключатель, и углубление, и две замазанные дырочки – конечно, он бывал в этой церкви, бывал не раз, если запомнил такие мелкие детали. Когда?

Вспомнив расположение выключателя, Антон сразу же и сделал то, что, вспомнив, делал не раз: протянул руку, вложил большой палец в углубление, указательным надавил... Пока свет еще не вспыхнул, Антон вспомнил, что загоралось обычно не все подкупольное освещение, а только две лампы на ближайших к двери колоннах, они позволяли ориентироваться у входа, а зал все равно оставался в полумраке, особенно сгущавшемся, когда перед дверью становилось светло. Обычно он стоял на этой границе света и тьмы, привыкая, а потом...

Потом надо пройти ко второй колонне справа, там другой выключатель, от него зажигаются лампы центральной части зала, а чтобы включить остальные, нужно пройти к алтарю, туда, где сейчас стоит пастор. Выключатель был в боковой поверхности стола.

Все это Антон вспомнил в долю секунды, прошедшую между моментом, когда палец лег на кнопку, и моментом, когда ближняя часть зала озарилась не очень ярким теплым желтым светом двух ламп, висевших на боковых колоннах.

– Так, – удовлетворенно произнес Манн. – Вспоминайте дальше.

По заказу Антон вспомнить не мог ничего. Бывал он здесь, это очевидно. Но что делал? Зачем приходил?

– Это... – сказал Антон, чтобы сделать хоть какое-то сопоставление. – Это церковь святого Юлиана?

Звуки под куполом слышны были во всех концах зала – особенно сейчас, когда здесь не было людей, шушукавшихся и наполнявших пространство пересекавшимися звуками слов.

– Нет, – отозвался пастор. Говорил он по-английски, но с сильным акцентом. – Это церковь святого Фомы. Наша церковь и храм святого Юлиана в Амстердаме были построены в восьмидесятых годах девятнадцатого века по одному и тому же проекту архитектора Ганса Ван Вернеке.

Антону стал понятен замысел Манна – достаточно безумный, чтобы из него действительно что-то получилось. Но ведь получилось, он вспомнил. Действительно ли вспомнил, как бывал именно в этом храме? Может, в том, амстердамском, может, и там выключатель расположен в том же месте, где такое же углубление... Маловероятно. За полтора века произошло многое, что сделало два храма похожими, но отличимыми, как можно отличить людей-клонов, выращенных из одного генетического набора клеток, но проживших жизни по-разному – в разных семьях, разных обстоятельствах, один как-то упал, поранил руку, и остался шрам, а другой много занимался спортом, и накачал мускулатуру.

Манн тенью шел сзади, а пастор стоял на возвышении и смотрел на Антона, не выражая никаких эмоций, – может, молился.

В центре зала, под куполом, было такое же открытое пространство, как у собрата этого храма в Амстердаме, и, сделав три шага вправо, Антон остановился – как там. Чего он ждал? И зачем? От ожидания дежа вю не возникали никогда, ему нужно было просто смотреть по сторонам, любоваться мозаичными окнами, ни о чем не думать...

Девушка стояла у третьей колонны, считая от алтаря. У третьей колонны, конечно, никого не было, и свет так падал, что, если бы кто и был, заметить его можно было бы с трудом в сгустившемся на том месте мраке, а различить – девушка ли это или низкорослый мужчина – было бы невозможно. Он это видел, но и девушку видел тоже, она стояла у колонны в сером световом конусе, падавшем из верхних окон, она стояла здесь в другое время дня, и снаружи тогда, похоже, было не так солнечно, как сейчас, а пасмурно.

Девушка... Эсти... была в этом храме, стояла у третьей колонны, а он – как сейчас – остановился на открытом пространстве под куполом. Сейчас здесь было довольно светло, еще и потому, что свет двух ламп, которые он сам же и включил, падал на его лицо, одежду, руки, не столько их освещая, сколько отмечая присутствие человека – Эсти не могла его не видеть. То есть, не могла, если была бы здесь и сейчас, а там и тогда она его точно не видела, хотя он стоял, не скрываясь.

– С вами все в порядке? – спросил Манн. Подошел он осторожно, неслышно ступая по каменному полу.

– Да, – с трудом проговорил Антон, и Манн отошел на шаг, показывая, что он не собирался вмешиваться, он только хотел...

– Она была здесь, – Антон сказал это громче, чем следовало бы, он еще не приноровился к акустике, звук был или слишком тихим, или вдруг громким, хотя слово было сказано почти шепотом. В разных местах церкви, – понял Антон, – разная акустика, и наверняка лучше всего слышно, если говорить, стоя у алтаря.

Антон ощутил страх, хотя страх ему не принадлежал, но был разлит по всему полу и местами вспучивался, как поверхность волнующегося океана, и когда особенно высокая волна коснулась груди Эсти, она...

– Можно, – сказал Антон, вернувшись и поняв, что, заставляя себя вспоминать, он лишь отдалит момент полного узнавания, – можно мне спросить кое-что у священника?

– Конечно, – Манн отступил, позволив Антону пройти по узкому проходу между скамьями и рядом колонн.

Пастор стоял на краю возвышения, опустив руки и голову, делал вид, что молится, а может, на самом деле молился, не обращая внимания на Манна с Антоном. Он был у себя, он говорил с Богом, и никто в тот момент не мог знать, отвечал ли Творец.

Антон не знал, как полагается обращаться к священнику-протестанту. Падре? Нет, это точно католическое. Отец? Скорее русское. Просто «кюре»? Да, вспомнил: преподобный. Так говорили в романах, которые он читал. Надо бы по имени, но имя Антон не запомнил.

Память – штука странная. Тогда не запомнил, а сейчас...

– Преподобный Ван Казель, – произнес Антон, и пастор вздрогнул, будто не ожидал услышать собственное имя от человека, которого привел детектив, объяснив, что хочет провести в церкви важный следственный эксперимент.

– Да, – мягко произнес священник, и Антон решился:

– Недавно, – сказал он, – вскоре после полудня... когда на третью колонну, падал луч солнца... это бывает в час или два, верно?

Пастор проследил взглядом за рукой Антона, кивнул и сказал:

– После полудня, да. Потом луч переходит к четвертой колонне, а в полдень падает на вторую.

– Я часто пользуюсь этим эффектом, чтобы определять время, – добавил он после небольшой паузы и умиротворенно улыбнулся. – Неосознанно, наверно. Вы сейчас сказали, и я об этом задумался.

– Позавчера, – повторил Антон, – в час пополудни вы были в церкви?

– Нет, – уверенно сказал пастор. – Я был у себя в келье, если вам это важно знать.

– А здесь? Никого?

– В это время обычно здесь возится служка, Эшер его зовут, безобидное создание. Он и сейчас был бы здесь, но я его отпустил...

Пастор бросил взгляд на Манна, будто сказав: по его просьбе я и отпустил служку, чтобы не было здесь никого лишнего.

– Эшер, – повторил Антон. – Можно с ним поговорить? Он же...

Антон не мог подобрать подходящего слова. Русское «юродивый» осталось бы непонятым, а как сказать по-английски, Антон не знал.

– О, – улыбнулся пастор, поняв затруднение Антона, – Эшер вполне нормален, если вы это имеете в виду. Он даже может выступить свидетелем в судебном процессе, – добавил преподобный, обращаясь скорее к Манну, чем к Антону. – Минуту, господи, я сейчас его приведу.

Спустившись с возвышения, пастор направился к боковой двери, которую Антон не мог разглядеть со своего места – услышал только тихий скрип петель и довольно резкий хлопок. Манн стоял, отрешенно глядя вверх – не хотел, похоже, хоть как-то влиять на мысли и ощущения Антона, но вопрос чувствовался в его позе, хотя и это было лишь подсознательным ощущением, скорее даже – желанием ощущения.

– Странно, – сказал Антон, – я не могу понять...

Манн смотрел в небо, отделенное от него куполом.

Дверь скрипнула и хлопнула еще раз, пастор шел впереди, а за ним семенил на коротких ножках служка – Антон ожидал увидеть старика, всю жизнь прожившего в одной из церковных келий, но Эшер оказался юношей лет двадцати. Выглядел он совсем не дебилом, как можно

было ожидать из слов пастора – нормальный парень, внимательный взгляд, только фигура несуразная: ноги короткие, а руки длинные, огромные ладони и большая голова, а может, только казалось, что голова большая – из-за непропорциональности туловища.

Пастор отошел в сторону.

– Эшер, – сказал служка, бросив взгляд сначала на Манна, а потом на Антона. Признав, видимо, главным Манна, он затем смотрел только на него, только его слышал, отключившись от присутствия Антона, будто тот стал невидимым и неслышимым созданием, порождением тьмы или света, но только не человеком из плоти и крови.

– Я хотел спросить, – сказал Антон по-английски. – Позавчера ты был здесь, в зале, в два часа пополудни.

Парень смотрел Манну в глаза и дожидался вопроса или указаний, как пес ждет команды хозяина. Не понял ни слова?

– Эшер, – повторил Манн, едва заметно кивнув Антону, – ты помнишь, где был позавчера? Не вчера, а два дня назад?

– Конечно, – Эшер передернул плечами, отчего голова его будто перекатилась по блюдцу и вернулась на место. – Вас интересует конкретное время? Вы лучше сразу скажите, что хотите узнать, и я попробую помочь.

По-английски он говорил легко, не задумываясь и не подбирая слова.

Антон едва не рассмеялся – смех получился бы нервным, – Эшер еще раз опроверг впечатление. Нормальный умный парень, не нужно ходить вокруг да около.

– Позавчера, – повторил Антон, – в два часа пополудни, здесь, возле третьей – вон той – колонны, стояла девушка...

Манну пришлось повторить фразу.

– Девушка, – задумался Эшер. – Позавчера? Когда на площади была благотворительная распродажа рукоделий?

– Верно, – подал голос священник. – Начали в десять и торговали часов до четырех.

– Нет, – отрезал Эшер. – Никого здесь не было. Я был один.

«Ты ждал иного ответа? – подумал Антон. – Конечно, не было. Как не было убийства художника в церкви святого Юлиана, не было выстрела в домике матушки Кузе»...

– Девушка... – задумчиво продолжал Эшер, глядя не в глаза Манну, а на носки его туфель. – Невысокая, волосы светлые, ниже плеч, с челкой такой... треугольником. Глаза... серые, кажется. Лицо немного вытянутое, а рот маленький... Немного похожа на молочницу, что на картине Вермеера.

Антон поразился точности словесного портрета.

– Значит, ты ее все же видел? – спросил Манн.

– Откуда ты знаешь, что мы именно об этой девушке говорим? – одновременно задал вопрос Антон.

– Действительно, – Манну пришлось повторить вопрос, и от себя он добавил: – Я тебе ее не описывал.

Эшер почесал в затылке, будто сельский парень, у которого спросили, будет ли он в пятницу танцевать на свадьбе. Он по-прежнему смотрел на носки туфель Манна, Антон не видел его взгляда, да и выражения лица не мог разглядеть, потому что смотрел на Эшера в профиль. Однако работа мысли или чего-то, заменявшего мысль в подсознании этого человека, почему-то ощущалась даже на расстоянии, как напряжение то ли воздуха, то ли физических сил, электромагнитных или иных, отчего начала болеть голова... Нет, подумал Антон, не болеть, а вдавливаясь в какую-то физическую среду, будто в пластилин, оставляя в ней отпечаток собственного присутствия.

– Вы спросили об этой девушке, – произнес, наконец, Эшер, справившись с мыслительными проблемами.

– Эшер, – подал голос пастор, – практически не покидает пределов церкви, здесь его келья, здесь он проводит все время. В последний раз он выходил зимой, у него разболелся зуб, и я повел парня к дантисту.

Эшер выслушал слова пастора, никак на них не отреагировав, но Антону почему-то показалось, что юноша с ними не согласен.

– Здесь, – сказал Манн. – Что она делала?

– Шла, – не задумываясь, ответил Эшер. – Она шла от двери, оттуда, к алтарю, вот сюда.

– А потом?

– К ней подошел мужчина, подал руку, и они сели на вторую скамью справа.

– Можешь описать мужчину?

– Высокий, светлые длинные волосы на пробор, немолод, лет пятьдесят, может, больше, чуть сутулится, лицо широкое, но с мелкими чертами, руки длинные...

Антон и Манн переглянулись. Манн едва заметно кивнул. Ван Барстен?

– Потом я ее больше не видел.

– В церкви были еще люди?

– Конечно. Много.

– Была служба?

– Да. Обедня.

– Если ты помнишь, какой псалом мы читали тогда... – пастор решил внести свою лепту в процесс расследования.

– Сто тридцатый, – уверенно проговорил Эшер. – О кошке, вступающей во врата Рая.

– Гм... – пастор быстро высчитал в уме. – Значит, это было в прошлый понедельник. Или в декабре, но, видимо, такое предположение слишком...

– В прошлый понедельник? – с вопросительной интонацией проговорил Манн, глядя на Эшера и надеясь, что тот подтвердит дату хотя бы кивком. Никакой реакции.

Эшер не сочинял, это было очевидно. Эсти была в церкви четыре дня назад и встречалась здесь с художником.

– Когда они шли по залу на свое место... – начал Манн.

– Это не было их место, – с раздражением заявил Эшер. – Это место фрекен Шараваль, но в тот день фрекен Шараваль не пришла, место осталось свободным, и они его заняли.

– То есть, – уточнил Манн, – ни раньше, ни позже Эсти... эта девушка в церковь не приходила, ведь если бы она пришла опять, ты обратил бы на нее внимание?

Если у Эшера фотографическая память, и если он хотел запомнить.

– Не знаю. Тот раз я помню.

– Потом, после службы... ты видел девушку и мужчину?

– Нет, – Эшер дернул головой, отчего она опять, подобно большому шару, перекатилась по плечам. – Я ушел, мне нужно было подготовиться к уборке.

– Спасибо, – сказал Манн и, повернувшись к пастору, повторил: – Спасибо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.